

Мятежная страсть

Автор:

[Джулия Гарвуд](#)

Мятежная страсть

Джулия Гарвуд

Очарование (АСТ)

Слава самого красивого, самого богатого и самого циничного из аристократов Англии следовала за Джередом Маркусом Бентоном, герцогом Бредфордом, по пятам. Он мог пожелать любую женщину, но почему-то остановил свой выбор на юной и неопытной Кэролайн Ричмонд, приехавшей из колоний Нового Света в надежде раскрыть страшную тайну своего отца. Однако непорочная Кэролайн горда и вовсе не намерена выдавать свои истинные чувства к герцогу...

Джулия Гарвуд

Мятежная страсть

Julie Garwood

Rebellious Desire

© Julie Garwood, 1986

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Пролог

Англия, 1788 год

Сердитые голоса разбудили девочку.

Она села в кровати и спросонья потерла кулачками глаза.

- Няня, - прошептала она во внезапно наступившей тишине.

Взглянув на кресло с высокой спинкой, стоящее у камина, девочка увидела, что оно пусто. Она быстро снова нырнула под пуховую перинку, дрожа от страха и холода. Няни не было.

Тлеющие в камине угли светились в темноте оранжевыми огоньками, словно глаза демонов и ведьм. Девочка решила, что не будет смотреть на них. Она не отрывала взгляда от высоких окон спальни, но страшные глаза преследовали ее, за окнами чудились силуэты адских чудовищ, скребущихся в стекла когтистыми лапами нагих веток.

- Няня, - снова позвала малышка, и в ее голосе послышались слезы.

И вдруг откуда-то снизу раздался голос отца. Он громко с кем-то разговаривал, и, хотя тон его был раздраженным, страх тут же оставил ребенка. Значит, она не одна. Отец рядом, совсем близко, можно ничего не бояться.

Но с кем он разговаривает? Уже больше месяца девочка жила в этом новом доме и за все время ни разу не видела чужих. Ей захотелось посмотреть, что же происходит.

Малышка придвинулась к краю кровати и перевернулась на живот, чтобы сползти на пол. Вдоль кровати с обеих сторон на полу лежали подушки, и девочка, спустив ноги, оттолкнула одну из них. Босая, бесшумно двинулась по комнате, путаясь в подоле длинной ночной рубашки. Добравшись до двери, отвела от лица непослушные вьющиеся черные волосы и осторожно повернула дверную ручку.

На лестничной площадке девочка остановилась. До нее донесся чужой голос – это точно не был голос отца. Незнакомец громко выкрикивал грубые, полные ненависти слова, и притом с такой неукротимой злобой, что голубые глаза ребенка расширились от удивления и страха. Девочка перегнулась через балюстраду и увидела отца, стоящего лицом к незнакомцу. Со своего места на самом верху лестницы девочка различала только его силуэт, как будто тот специально прятался в тени.

– Тебя ведь предупредили, Брэкстон! – снова раздался зловещий голос. – Мы тебе хорошо заплатили, чтобы ты больше не доставлял нам неприятностей.

Незнакомец держал в руке пистолет, очень похожий на тот, который часто носил при себе отец, и малышка с ужасом поняла, что этот пистолет был направлен на ее папу. Девочка начала осторожно спускаться по витой лестнице, желая только одного – чтобы отец успокоил ее и сказал, что все в порядке. Добравшись до нижней ступеньки, она остановилась, и в тот же момент отец ударил незнакомца и выбил из его руки пистолет. Оружие с глухим стуком упало у ног малышки.

Еще один человек появился из тени холла.

– Тебе велел кланяться Перкинс, – неприятным голосом сказал он. – И еще он просил сказать, чтобы ты не беспокоился по поводу девчонки. За нее он получит хорошую цену.

Девочка снова задрожала, боясь поднять взгляд на человека, произнесшего эти слова. Она приготовилась увидеть адское чудовище с глазами демона, оранжево-красными и светящимися даже в темноте. Ужас обострил все чувства. Она ощущала, как зло окружает ее, оно разливается в воздухе, его можно было почувствовать, дотронуться, увидеть.

Человек-дьявол снова отступил в тень, в то время как первый незнакомец приблизился к ее отцу и сильно толкнул его.

– С перерезанным горлом ты не очень-то поговоришь, – громко смеясь, произнес он.

Отец, не удержавшись, упал от толчка на колени и попытался встать на ноги, но в руке толкнувшего появился нож. Грубый, издевательский смех заполнил холл, эхом отразившись от стен, и девочке показалось, что сотни невидимых призраков переругиваются между собой.

Незнакомец перебросил нож из одной руки в другую и обратно, медленно двигаясь вокруг отца.

– Папочка, я помогу тебе, – всхлипнула девочка, поднимая пистолет.

Он был очень тяжел и так холоден, словно до этого лежал в снегу. Девочка услышала клацающий звук, когда один из ее пухлых пальчиков скользнул в полукружие скобы спускового крючка.

Вытянув вперед непослушные трясущиеся руки, она направила пистолет в сторону борющихся людей. Сделав несколько неуверенных шагов к отцу, чтобы отдать ему пистолет, она резко остановилась, увидев, как незнакомец вонзил свой длинный изогнутый нож в плечо ее отца.

От ужаса девочка вскрикнула:

– Папа! Я помогу тебе, папа!

Возглас ребенка, полный страха и отчаяния, перекрыл глухую возню двух дерущихся мужчин. Незнакомец, который держался все это время в тени, сделал несколько шагов вперед. Борьба прекратилась, и все трое, не веря своим глазам, застыли в изумлении при виде четырехлетней малышки, направившей на них пистолет.

– Нет! – воскликнул тот из них, кого она считала дьяволом.

Он больше уже не смеялся.

- Беги, Кэролайн! Беги, детка, беги! - закричал отец.

Но предупреждение запоздало. На бегу девочка запуталась в подоле ночной рубашки и, падая, непроизвольно нажала на спусковой крючок пистолета... Грохот заполнил весь холл. Весь дом. Весь мир. Она в ужасе зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела, что она наделала. И больше уже не видела ничего.

Глава 1

Англия, 1802 год

Ружейные выстрелы разорвали тишину английской сельской глуши и нарушили безмятежное спокойствие прогулки.

Кэролайн Мэри Ричмонд, ее двоюродная сестра Черити и сопровождающий их черный слуга Бенджамин одновременно услышали этот звук. Черити подумала было, что это удар грома, и выглянула из окна кареты. Но над головой не было ни облачка. Она уже хотела выразить свое удивление вслух, как вдруг кузина обхватила ее за плечи и толкнула на дно просторной наемной кареты.

Кэролайн подалась вперед и достала из вместительного ридикюля серебряный пистолет. Карета резко остановилась, и от толчка девушка всем своим весом упала на сестру.

- Кэролайн, что случилось? - послышался испуганный, сдавленный голос.

- Стреляют, - ответила Кэролайн. Бенджамин, сидевший напротив девушек, поднял свой пистолет и осторожно выглянул из окна.

– Что-то неладное впереди! – с сильным ирландским акцентом крикнул им кучер. – Лучше подождать здесь, – посоветовал он, спускаясь с облучка и направляясь в ту сторону, куда смотрел Бенджамин.

– Ты видишь кого-нибудь? – спросила Кэролайн.

– Только нашего кучера, похоже, он решил спрятаться в кустах, – ответил негр с явным неудовольствием в голосе.

– Я никого не вижу, – столь же недовольно произнесла Черити. – Кэролайн, пожалуйста, убери ногу. Ты сломаешь мне спину.

Черити попыталась встать, и в конце концов ей удалось подняться на колени. Шляпка ее упала на спину, открыв светлые локоны и оранжево-желтые ленты для волос. Очки в простой железной оправе съехали вниз, но все же остались каким-то чудом на кончике ее маленького носа. Она попыталась осмотреть себя и хоть как-то привести в порядок.

– Право, Кэролайн, ты уж слишком энергично стараешься защитить меня, – заявила Черити. – О боже, одно стекло из оправы куда-то вылетело, – со стоном добавила она. – Оно где-то здесь, на дне кареты. Как ты думаешь, неужели это вправду разбойники, что грабят и убивают бедных путников?

Кэролайн пропустила мимо ушей ее жалобы, обратив внимание только на последние слова Черити.

– Судя по числу выстрелов и реакции нашего кучера, это именно так, – ответила она. Голос ее в отличие от возбужденной скороговорки Черити звучал негромко и спокойно. – Бенджамин! Взгляни-ка на лошадей! Если они уже отдохнули, мы можем поехать вперед верхом и помочь.

Бенджамин согласно кивнул и открыл дверцу кареты. Когда он поднялся с сиденья, его массивное тело, казалось, заполнило все пространство внутри кареты, и, чтобы выйти наружу, ему пришлось буквально протискиваться боком. Но вместо того чтобы поспешить вперед, где мотали головами запряженные в карету кони, он направился назад, к привязанным двум арабским скакунам Кэролайн. Благородные животные бежали налегке чуть ли не от самого Бостона и предназначались в подарок отцу Кэролайн графу Брэкстону.

Жеребец нервно прядал ушами, кобыла тоже вела себя беспокойно, но Бенджамин, нежно напевая им на родном мелодичном африканском наречии, быстро успокоил животных. Затем отвязал их и подвел к дверце кареты.

- Подожди здесь, Черити, – велела Кэролайн. – И не высовывайся!

- Ты тоже будь осторожной, – ответила сестра, поудобнее устраиваясь на сиденье.

Усевшись, она тут же высунула голову из окна и, пропустив мимо ушей предостережение Кэролайн, стала неодобрительно наблюдать, как Бенджамин помогает Кэролайн сесть на жеребца.

- Бенджамин, ты тоже будь поосторожнее! – крикнула Черити, когда черный гигант взлетел в седло своей норовистой кобылы...

Кэролайн погоняла коня, петляя между деревьями. Она хотела появиться неожиданно для нападающих, зайдя им со спины. Судя по количеству выстрелов, нападающих было четверо, если не пятеро, и ей отнюдь не улыбалось очутиться в толпе головорезов, не имея никаких шансов на успех.

Донесшиеся с дороги голоса заставили их остановиться. Кэролайн и Бенджамин, скрываясь за густыми кустами, могли ясно видеть все происходящее. Развертывающиеся на дороге события заставили Кэролайн поежиться от пробежавшего по спине холодка.

Четверо всадников внушительного вида сгрудились возле изящного черного экипажа. Все они, кроме одного, были в масках и не спускали глаз с respectable джентльмена, медленно выбиравшегося из экипажа. Кэролайн заметила ручеек крови на ноге джентльмена и едва не вскрикнула от негодования и жалости.

У раненого джентльмена были светлые волосы и красивое лицо, сейчас мертвенно-бледное и искаженное болью. Вот он остановился на ступеньке кареты, с трудом выпрямился и посмотрел на разбойников. Нельзя было не заметить высокомерия и презрения в его взгляде, обращенном на них. Но вдруг его глаза расширились, в них мелькнул откровенный ужас. Кэролайн мгновенно

поняла, чем была вызвана столь быстрая перемена. Нападавший без маски, судя по всему главарь банды, медленно поднимал свой пистолет, вне всякого сомнения, намереваясь хладнокровно пристрелить раненого.

– Он видел мое лицо, – произнес главарь, обращаясь к своим соратникам. – Теперь уже ничего не поделаешь. Ему придется умереть.

Двое негодяев подобострастно закивали, соглашаясь с ним, но третий колебался. Кэролайн не стала тратить время, тщательно прицелилась и нажала на спусковой крючок. Годы жизни в обществе четырех старших братьев, научивших ее обращению с оружием, не пропали даром. Пуля попала в правую руку главаря, заставив его вскрикнуть от боли.

Бенджамин проворчал что-то одобрительное, протянул ей свой заряженный пистолет и принялся перезаряжать тот, из которого она только что выстрелила. Кэролайн снова нажала на курок, ранив еще одного разбойника.

На этом все было кончено. Бандиты, выкрикивая проклятия, пришпорили лошадей и мгновенно скрылись.

Кэролайн подождала, пока стихнет стук копыт их коней, и шенкелями послала своего жеребца вперед. Подъехав вплотную к экипажу, она проворно спрыгнула на землю.

– Мне кажется, они не вернуться, – негромко произнесла она.

Когда джентльмен повернулся к Кэролайн, она вспомнила, что все еще держит пистолет перед собой, и, смутившись, быстро опустила его.

Раненый постепенно приходил в себя. Его голубые глаза, лишь немногим темнее, чем у самой Кэролайн, недоверчиво оглядели девушку.

– Это вы стреляли в них? Неужели это вы?..

Бедняга даже не мог закончить свою мысль. Случилось слишком много всего. И слишком быстро!

– Да, стреляла именно я. Бенджамин, – добавила она, сделав знак стоявшему позади гиганту, – помоги.

Джентльмен оторвал взгляд от Кэролайн и перевел его на Бенджамина. Его реакция на чернокожего слугу встревожила Кэролайн. Ей показалось, что он вот-вот упадет в обморок. Но она приписала его состояние шоку от нападения и раны.

– Если бы я не выстрелила, вам бы несдобровать.

Произнеся эти слова небрежным деловым тоном, Кэролайн повернулась к Бенджамину и передала ему поводья своего жеребца.

– Возвращайся к карете и расскажи Черити, что здесь случилось! Она, наверное, сходит с ума от беспокойства.

Бенджамин кивнул и пустился вскачь.

– Захвати с собой пороховницу, – крикнула Кэролайн вслед ему, – и еще медицинский саквояж Черити. – Повернувшись снова к раненому, она спросила: – Вы не могли бы сесть в свой экипаж? Там будет гораздо удобнее осмотреть вашу рану.

Джентльмен кивнул и стал медленно подниматься по ступенькам в экипаж. От слабости он едва не упал, но Кэролайн вовремя его поддержала.

Когда он наконец устроился на обтянутом темно-красным плюшем сиденье, Кэролайн встала на колени на полу кареты между его вытянутых ног. Она испытала внезапное смущение от того, что рана оказалась в столь неудачном месте, и почувствовала, как порозовели ее щеки от двусмысленности положения. Заколебавшись, она помедлила несколько секунд, но свежая струйка крови, просочившаяся сквозь его лосины, заставила отбросить все сомнения.

– Мне так неудобно, – прошептал мужчина.

В голосе его было больше боли, чем смущения, и Кэролайн исполнилась сочувствием к нему. Рана оказалась на внутренней стороне левого бедра.

– Вам очень повезло, – прошептала Кэролайн. – Рана сквозная. Если немного разрезать материю, возможно...

– Да, но вы же испортите мои лосины! – воскликнул незнакомец, похоже, недовольный предложением Кэролайн, и она изумленно откинулась назад, чтобы взглянуть ему в лицо. – Мои башмаки! Посмотрите только на мои башмаки!

Кэролайн показалось, что еще немного, и он впадет в истерику.

– Все будет хорошо, – спокойным голосом заверила она. – Вы разрешите мне немного разрезать ваши лосины?

Джентльмен глубоко вздохнул, возвел глаза к небу и коротко кивнул, подчиняясь неизбежному:

– Если это необходимо.

Кэролайн быстро вытащила из-за подвязки чулка небольшой кинжал. Джентльмен проследил за ее рукой и в первый раз за все это время улыбнулся.

– Мадам, вы всегда путешествуете так хорошо экипированной?

– Там, откуда мы приехали, считают, что человек должен быть готов ко всяким неожиданностям, – объяснила Кэролайн.

Оказалось, что не так-то просто просунуть лезвие кинжала под плотно облегающие ногу брюки. Лосины словно приросли к коже, и Кэролайн пришло в голову, что ему, должно быть, чертовски неудобно даже просто сидеть. Но девушка не сдавалась и в конце концов надрезала материал в самом паху, обнажив глубокую рану.

Ее пациент, с первых слов обративший внимание на необычный акцент своей спасительницы, наконец-то узнал колониальную манеру разговора.

– А, вы, должно быть, из колоний[1 - Имеются в виду колонии Британии в Северной Америке (вошедшие позднее в состав США). – Здесь и далее примеч. пер.]? Мне говорили, что это довольно дикие места. – Он замолчал и дернулся от боли, когда Кэролайн коснулась пальцами краев раны. – Неудивительно, что вы постоянно носите с собой целый арсенал.

Кэролайн взглянула на незнакомца с некоторым удивлением и ответила:

– Это верно, я из колоний, но оружие ношу вовсе не поэтому, сэр. Нет, нет, – решительно добавила она, подтверждая свои слова энергичным кивком. – Я ведь сейчас ехала из Лондона.

– Из Лондона? – Лицо незнакомца снова приняло удивленное выражение.

– Именно. И там мы слышали достаточно историй про опасности на дороге. Да что говорить, даже в Бостоне только и толкуют про бесконечные убийства и ограбления. Это же средоточие преступности и коррупции, не правда ли? Моя кузина и я обещали родным, что мы примем все меры предосторожности. Хорошенькое дело – встретить разбойников в самый день нашего приезда!

– Ха! Я тоже слышал про колонии, – ответил на это джентльмен. – Могу вас заверить, моя милая, доверчивая леди, что Лондон – куда более благопристойное место.

– Вы защищаете свою родину, это вполне понятно и делает вам честь, – со вздохом ответила Кэролайн. Пока ее пациент подыскивал достойный ответ, она снова склонилась к его ноге и произнесла: – Не будете ли вы так добры дать мне ваш шейный платок?

– Простите, не понял, – ответил незнакомец.

По тому, как старательно он выговаривал слова, закусывая губу в промежутках между ними, Кэролайн догадалась, что боль в ноге усилилась.

– Он нужен мне, чтобы остановить кровь, – объяснила она.

– Если кто-нибудь узнает об этом, я не вынесу такого унижения. Получить рану в такое деликатное место... и чтобы женщина перевязывала... да еще моим собственным галстуком... Боже мой, это слишком!

– Хорошо, не беспокойтесь о своем галстуке, – сказала Кэролайн мягко и успокаивающе, будто обращаясь к ребенку. – Я разорву свою нижнюю юбку.

Джентльмен все еще опасливо и удивленно смотрел на нее, придерживая обеими руками галстук, словно оберегая его от посягательств. Кэролайн сочувственно улыбнулась и добавила:

– Я могу дать вам слово, что никому не расскажу об этом неприятном происшествии. Ведь я даже не знаю вашего имени! Ничего не может быть проще! Но чтобы как-то обращаться к вам, я буду звать вас... мистер Джордж, в честь вашего короля[2 - В Великобритании в это время на троне находился Георг III. «Мистер Джордж» – сугубо американское обращение, абсолютно недопустимое для английского дворянина.]. Вас это устраивает?

Незнакомец от удивления окончательно потерял дар речи, и Кэролайн никак не могла понять, почему ему не по душе такое обращение. Она несколько секунд подумала и решила поправить положение:

– Разумеется, если такое имя вам не нравится, то я могу подобрать какое-нибудь другое. Скажем, мистер Смит? Вам понравится быть Гарольдом Смитом?

Мужчина кивнул и испустил протяжный вздох.

– Отлично, – заключила Кэролайн.

Она потрепала пациента по коленке и быстро выбралась из экипажа, потом нагнулась и начала отрывать полосу ткани от подола своей нижней юбки.

Приближающийся стук конских копыт заставил ее прервать это занятие и насторожиться. Она похолодела, поняв, что этот звук доносится с севера, со стороны, противоположной той, откуда должны были появиться Бенджамин и Черити. Неужели кто-то из бандитов решил вернуться?

– Дайте мне мой пистолет, мистер Смит, – попросила она, быстро пряча кинжал за подвязку и бросая оторванную полосу в окно кареты.

– Но ведь он разряжен! – с отчаянием в голосе воскликнул мужчина.

Кэролайн в ужасе зажмурилась. Бежать! Сломя голову, подхватив юбки, мчаться, взывая о помощи!.. Но нет. Она не могла оставить раненого джентльмена одного, без всякой защиты.

– Пистолет в самом деле разряжен, – не выдавая своих чувств, бодро произнесла она, – но об этом знаем только мы с вами.

Судорожно выхватив у незнакомца протянутый в окно пистолет, она глубоко вздохнула, собираясь с силами, и про себя помолилась, чтобы Бенджамин тоже услышал приближение новой опасности. Боже, только бы руки перестали так дрожать!

Наконец из-за поворота вылетел всадник верхом на лошади. Кэролайн поразили прежде всего размеры лошади. Это было громадное животное, ладони на три выше, чем ее собственный арабский скакун. Она успела подумать, что эта лошадь легко может сбить ее с ног и затоптать насмерть, но все же не сдвинулась с места, когда всадник осадил коня в двух шагах от нее, и лишь непроизвольно закрыла глаза, спасаясь от взвившейся в воздух пыли.

Отерев рукой пыль с лица, Кэролайн открыла глаза и сразу же заметила пистолет, направленный прямо на нее. И разгоряченный конь, и блестящий пистолет выглядели пугающе, и Кэролайн немедленно перевела смущенный взгляд на всадника.

Это было ошибкой. Громадный мужчина, казавшийся еще выше в седле, не на шутку испугал Кэролайн, хотя, безусловно, был весьма привлекателен. Выгоревшие на солнце русые волосы, падающие на лоб, несколько не смягчали резких, точно высеченных из камня черт его лица. Четко очерченные скулы, прямой нос, пронзительные глаза цвета темного золота исключали какой бы то ни было намек на добродушие их владельца. Суровый взгляд незнакомца, казалось, прожигал насквозь.

Она должна устоять под этим взглядом. Вскинув голову, девушка посмотрела прямо в лицо надменному всаднику, прилагая все силы, чтобы не показать, как испугалась.

Джеред Маркус Бентон, герцог и четвертый граф Бредфорд, не верил своим глазам. Успокаивая коня, он не отводил взгляда от неожиданного и прекрасного видения – голубоглазой красавицы, держащей в руке пистолет, ствол которого был направлен прямо ему в сердце. Зрелище не столько устрашающее, сколько непонятное.

– Что здесь происходит? – произнес он таким громовым голосом, что жеребец под ним даже присел и подался назад. Наездник, мгновенно среагировав, шенкелями удержал его на месте. – Спокойно, Верный, – неожиданно ласково произнес он, поглаживая благородное животное по крутой шее. Это бессознательное проявление нежности резко контрастировало с грубым выражением его лица.

Он не отводил взгляда от девушки, и Кэролайн поймала себя на мысли: уж пусть бы лучше это был один из разбойников. Этот незнакомец быстро разоблачит ее блеф.

«Но где же Бенджамин?» – в панике подумала Кэролайн. Он, безусловно, должен был услышать приближение всадника. Неужели земля все еще дрожит от ударов копыт огромного коня? Или это дрожат ее колени?

О боже, она должна взять себя в руки!

– Расскажите мне, что здесь произошло, – снова потребовал незнакомец.

Высокомерные интонации возмутили Кэролайн, но она не пошевелилась. Не стала отвечать и на вопрос, боясь выдать свой страх. Девушка лишь еще крепче сжала рукоять пистолета и попыталась успокоить бешено бьющееся сердце.

Бредфорд быстро огляделся по сторонам. Его самая любимая карета, одолженная приятелю пару недель назад, стояла накренившись на обочине дороги с несколькими отверстиями от пуль в корпусе. Уловив внутри нее какое-то движение, он посмотрел внимательнее и узнал копну белокурых волос своего друга. Бредфорд облегченно вздохнул. Похоже, с ним ничего страшного не

случилось. Но что же здесь делает прекрасная незнакомка, которая столь отважно пытается скрыть страх?

– Бросьте оружие!

Это была отнюдь не просьба. Граф Бредфорд крайне редко просил о чем-либо. Он привык отдавать приказы. И как правило, при обычных обстоятельствах всегда получал желаемое.

Но упрямая, храбрая малышка по-прежнему смотрела прямо на него, не обращая никакого внимания на приказ. Граф Бредфорд подумал с усмешкой, что теперешние обстоятельства никак нельзя назвать обычными. Обстоятельства необычны или... девушка?

Кэролайн изо всех сил старалась не дрожать, глядя в лицо человеку, нависавшему над ней, подобно грозовому облаку. От него исходило ощущение силы, и Кэролайн почувствовала, что боится не столько незнакомца, сколько собственной реакции на этого человека. Ведь он, в конце концов, всего лишь мужчина! Она тряхнула головой, пытаясь прийти в себя. Всадник выглядел надменным и напыщенным и, судя по его одежде, принадлежал к верхам общества. Его жилет из богатой ткани темно-красного цвета был того же фасона, что и темно-зеленая куртка мистера Смита. Золотисто-желтые лосины, дань последней моде, плотно обтягивали сильные, мускулистые ноги. Шея была повязана точно таким же галстуком, что и у мистера Смита.

Кэролайн вспомнила, что раненый в карете больше всего был озабочен тем, чтобы никто из его знакомых не узнал про двусмысленную ситуацию, в которой он оказался. Вспомнила она и о своем обещании никому ничего не рассказывать. Судя по внешности всадника, скромность и осмотрительность отнюдь не входили в число его достоинств. Кэролайн решила как можно быстрее отделаться от него.

– Мадам, неужели вы страдаете глухотой? Я ведь велел вам бросить пистолет.

Ему не хотелось кричать, но он чувствовал себя смущенным и растерянным под дулом тяжелого пистолета и взглядом незнакомки. Ее голубые глаза показались ему совершенно необыкновенными.

– Сначала вы бросьте свой пистолет, – наконец произнесла Кэролайн.

Она почувствовала удовлетворение от того, что ее голос не слишком дрожит, – маленькая, но все же победа.

Стоя спиной к карете, Кэролайн не могла видеть, как раненый джентльмен взмахом руки приветствовал незнакомца.

Бредфорд кивнул в ответ. Он вопросительно посмотрел на приятеля поверх головы Кэролайн, и его взгляд тут же утратил свое циничное выражение – как будто с грифельной доски разом стерли все написанное на ней. Кэролайн не могла понять, чем вызвана столь очевидная перемена, но времени раздумывать об этом не было.

– Похоже, мы с вами в безвыходной ситуации, – произнес всадник глубоким бархатным голосом. – Нам остается только перестрелять друг друга.

Кэролайн было вовсе не смешно. Она увидела, как смягчились в усмешке очертания его жестко очерченного рта, и почувствовала, как в ответ непроизвольно напряглись мускулы ее спины.

– Сначала вы бросьте свое оружие, – негромко, но настойчиво произнесла Кэролайн. – Я не буду стрелять в вас.

Бредфорд не обратил никакого внимания ни на ее приказ, ни на обещание и все так же лениво-небрежно разглядывал девушку, похлопывая и поглаживая шею своего жеребца. Он явно дорожил этим прекрасным животным, и Кэролайн внезапно поняла, что у нее появилось новое оружие.

Ну разумеется, он никогда не признает себя побежденным. Он не может склонить голову перед женщиной! Бредфорд видел, что незнакомка хоть и держится изо всех сил, на самом деле буквально дрожит и, похоже, вот-вот сдастся на милость победителю. В конце концов, что бы она из себя ни воображала, она всего лишь женщина и, следовательно, существо низшее. Все женщины, в конце концов, одинаковы, все они...

– Я не буду стрелять в вас, но я выстрелю в вашего коня.

Ее уловка сработала. Всадник едва не свалился со своего жеребца.

- Вы не посмеете! - с негодованием воскликнул он.

В ответ Кэролайн повернула руку с незаряженным пистолетом и направила его в лоб животного, как раз в этот момент гордо поднявшего голову.

- Я попаду как раз между глаз, - пообещала она.

- Бредфорд!

Голос, донесшийся до него из глубины кареты, остановил графа, уже готового спрыгнуть с коня и задушить стоящую перед ним упрямую девчонку.

- Мистер Смит, вы знаете этого человека? - обратилась Кэролайн к раненому.

Она не отводила взгляда от разгневанного незнакомца и с удовлетворением заметила, как он спешился и сунул пистолет за пояс. Чувство облегчения охватило ее. Не так уж трудно оказалось убедить его. Если этот англичанин - типичный образчик светского денди, подумала Кэролайн, то ее кузина Черити совершенно права, считая всех англичан слабыми и изнеженными.

Бредфорд повернулся к Кэролайн, прервав ее мысли.

- Ни один джентльмен не смеет так обращаться...

Поняв, сколь абсурдно звучат его слова, он умолк на середине фразы.

- Я никогда не пыталась выдавать себя за джентльмена, - ответила Кэролайн, поняв, что он не собирается заканчивать предложение.

Мистер Смит высунул голову из окна кареты и негромко застонал, поскольку быстрое движение снова разбередило его рану.

- Послушай, ее пистолет не заряжен. Остынь, а то еще немного, и тебя хватит апоплексический удар! Твоему коню ничего не угрожает.

Бредфорд осознал, что эта женщина с чудесной улыбкой и веселыми огоньками, вспыхивающими в глубине глаз, переиграла его.

– А вас оказалось не так уж трудно уговорить, – заметила вслух Кэролайн.

И тут же прикусила язык, потому что незнакомец сделал несколько быстрых шагов по направлению к ней. И теперь он уже не улыбался. «Ему явно недостает чувства юмора», – подумала она, пятясь назад и неловко натыкаясь на карету.

Ну и тип! Суровый, мрачный, да к тому же такой огромный. На ее вкус, так слишком. Сказать по правде, он был куда крупнее, чем Бенджамин, который именно сейчас, как с облегчением заметила Кэролайн, старался незаметно прокрасться за спиной незнакомца.

– Неужели вы бы выстрелили в моего коня, если бы ваш пистолет был заряжен? – медленно и громко спросил незнакомец, и Кэролайн, опустив пистолет, сочла за лучшее ответить правду:

– Нет, разумеется. Он чересчур красив для этого. Но с другой стороны, вы...

Бредфорд услышал хруст гравия за своей спиной и обернулся. Взгляды его и Бенджамина скрестились. Несколько секунд, показавшихся ей бесконечными, двое мужчин смотрели друг на друга, и Кэролайн поняла, что незнакомец ничуть не испуган присутствием ее слуги. Он, похоже, в отличие от мистера Смита испытывал только любопытство.

– Ты принес мне лекарства, Бенджамин? Дай сюда. И не беспокойся из-за него. – Кивком головы она указала в сторону незнакомца. – Кажется, этот джентльмен знакомый мистера Смита.

– Мистер Смит? – переспросил Бредфорд, бросив удивленный взгляд на человека, улыбавшегося ему из окна кареты.

– На сегодня он мистер Смит, – продолжила свои объяснения Кэролайн. – Ваш знакомый – ведь вы знакомы, не так ли? – не хотел, чтобы я узнала его настоящее имя, потому что он очень смущен ситуацией, в которой оказался. Я предложила называть его Джорджем в честь вашего короля, но он почему-то

воспринял это как оскорбление, поэтому мы договорились, что я буду звать его Гарольдом Смитом.

В этот момент из-за поворота дороги появилась Черити, которая на бегу, торопясь, высоко подняла свою пышную розовую юбку, обнажив красиво очерченные колени. Кэролайн обрадовалась появлению кузины, а Бредфорд, нахмурившись, обескураженно уставился на Черити. «Интересно, – подумала Кэролайн, – почему это англичане все время выглядят такими суровыми и так легко смущаются?»

– Кэролайн! Кучер боится вылезти из кустов, – выпалила Черити, едва переводя дыхание. Она остановилась подле Бенджамина, одарив его быстрой улыбкой, и только потом взглянула на Бредфорда и на джентльмена, выглядывающего из окна кареты. – Опасность миновала? Кучер обещал вернуться к нашей карете, только если я сама посмотрю и скажу ему, что все в порядке. Короче, он послал меня все разузнать, – объяснила она. – Кэролайн, мы теперь просто обязаны немедленно вернуться в Лондон. Я понимаю свою вину, ведь это именно я настояла, чтобы мы съездили навестить твоего отца в его имении, но теперь я и сама вижу, как была глупа. Сестренка, ты снова оказалась права! Давай лучше вернемся в городской дом твоего отца и отправим ему письмо.

Черити трещала не переставая. Бредфорд переводил взгляд с одной женщины на другую и не мог поверить, что они и в самом деле родственницы. Ни в их внешности, ни в манерах не было ни малейшего сходства. Черити была невысокой блондинкой, около пяти футов и двух дюймов росту, на взгляд Бредфорда; ее легкая фигурка пребывала в постоянном движении, светлые кудряшки взлетали при каждом повороте головы, а карие глаза лучились лукавством. Кэролайн на добрых три или четыре дюйма превосходила ростом свою двоюродную сестру, ее громадные голубые глаза резко контрастировали с густыми черными волосами. Обе девушки обладали стройными фигурками. Но если Черити была просто хорошенькой, то Кэролайн – настоящей красавицей.

Но различались они не только внешностью. Маленькая блондинка, похоже, отличалась легкостью не только в движениях, но и в мыслях, а в глазах ее, несмотря на внешнюю оживленность, пряталась робость.

Прямой взгляд Кэролайн был полон уверенности в себе. Она прямо и смело глядела в глаза Бредфорда.

– Мистер Смит, это и есть Черити, – произнесла Кэролайн, вежливо улыбаясь и подчеркнуто адресуясь только к раненому джентльмену и всем своим видом давая понять, что общество Бредфорда она лишь терпит, не более.

Черити поспешила подойти к окну кареты, привстала на цыпочки и попыталась заглянуть внутрь.

– Бенджамин сказал мне, что вы ранены! О бедненький! Но ведь вам уже лучше? – Она улыбнулась, ожидая ответа, а раненый джентльмен в это время тщетно пытался укрыться от ее любопытных глаз. – Я прихожусь Кэролайн кузиной, но мы воспитывались вместе, как настоящие сестры, да и по возрасту мы почти одинаковы. Я всего лишь на шесть месяцев старше ее. – Выпалив все это, Черити повернулась к Кэролайн и весело улыбнулась, продемонстрировав ямочки на щеках. – Но где же наш кучер? Неужели он все еще прячется в кустах? Мне кажется, кому-то надо поискать его здесь, поблизости.

– Да, – ответила Кэролайн, – это блестящая идея. Почему бы тебе не заняться этим вместе с Бенджамином, а я пока закончу перевязку.

– Но как я могла забыть? Мы ведь должны представиться друг другу, хотя обстоятельства столь необычны, и я, право, не знаю, кто из нас должен начать первым!

– Нет! – Донесшийся из кареты испуганный вскрик, казалось, сдвинул экипаж с места.

– Мистер Смит предпочитает оставаться инкогнито, – понизив голос, объяснила Кэролайн. – А ты должна обещать, как это сделала и я, сразу же забыть все случившееся. И никому не рассказывать! – Она отвела сестру в сторону и прошептала ей на ухо: – Этот человек страшно смущен. Ты же знаешь этих англичан, – прибавила она.

Бредфорд, стоявший неподалеку от них, услышал эти слова и уже готов был спросить, что означает последнее замечание Кэролайн, когда Черити произнесла:

– Он смущается оттого, что ранен? Чрезвычайно странно. А положение серьезное?

– Не очень, – заверила ее Кэролайн. – Поначалу я тоже испугалась, уж очень много потеряно крови. Но рана в довольно неудобном месте.

– Ах вот в чем дело! – прошептала Черити сочувственным тоном. Она бросила взгляд на человека в карете, а затем снова повернулась к Кэролайн. – Так ты говоришь, в неудобном месте?

– Да, – ответила Кэролайн. Она знала, что ее кузина жаждет узнать все подробности, но, щадя чувства мистера Смита, не стала больше ничего рассказывать. – И чем быстрее мы с этим покончим и пустимся в дальнейший путь, тем лучше.

– Но почему?

– Потому что он страшно переживает из-за своей раны, – ответила Кэролайн, предоставляя сестре самой домысливать остальное.

Она не собиралась рассказывать Черити всю правду и отдавала себе в этом отчет. Ей хотелось побыстрее закончить перевязку и распрощаться. А все из-за этого друга мистера Смита. Чем быстрее она от него отделается, тем лучше будет для всех. Этот человек пугал ее своей необычностью, притягивал и раздражал одновременно, а Кэролайн не хотела признаться в своих чувствах даже себе самой.

– Но кто же этот щеголь? – прошептала ей на ухо Черити.

Кэролайн не ответила. Сделав знак Бенджамину, она взяла из рук слуги свой походный медицинский набор. Поднявшись в карету, она сказала, обращаясь к мистеру Смиту:

– Вы можете не беспокоиться из-за Черити. Без очков она не отличит не только мужчину от женщины, но даже одного мужчину от другого.

Бенджамин услышал эти слова и тут же протянул руку Черити. Увидев, что девушка не заметила его движения, он сам взял ее за руку и потихоньку отошел вместе с ней от кареты. Бредфорд глядел на них, безуспешно пытаясь понять, что же происходит.

– Ты сам можешь представить, в какую переделку я попал, – сказал мистер Смит, обращаясь к своему другу. Бредфорд кивнул и обошел карету с другой стороны. – Не так уж много людей, в которых я могу быть уверен, что они не станут болтать про дурацкое положение, в каком я оказался, но Бредфорд как раз из числа этих немногих, – произнес, обращаясь к Кэролайн, мистер Смит.

Та ничего не ответила на это. Куда больше ее обрадовало то, что рана перестала кровоточить.

– У вас есть что-нибудь спиртное? – спросила она, не обращая никакого внимания на Бредфорда, который уже успел сесть напротив мистера Смита.

Карета была куда просторнее, чем нанятая Кэролайн, но тем не менее девушка оказалась в опасной близости от Бредфорда, едва опустилась на колени перед мистером Смитом. Поскольку мистер Смит пригласил Бредфорда в карету, Кэролайн не решилась просить его выйти и дать ей возможность обработать и перевязать рану, но чувствовала себя на редкость неудобно и непривычно.

– Немного бренди, – ответил раненый. – Вас устроит этот напиток? Он довольно крепок.

С этими словами он достал из нагрудного кармана куртки фляжку.

– Если там что-нибудь осталось, то да, – ответила Кэролайн. – Я собираюсь смочить им рану, перед тем как начать перевязку. Мама говорит, что спиртное обеззараживает раны. – Она не стала объяснять, что мама не была полностью уверена в этой теории, хотя и продолжала применять ее на практике, утверждая не без оснований, что вреда уж точно не будет. – Придется потерпеть, но если вы не сможете сдержать крика, то никто не упрекнет вас за это.

– Мадам, заверяю вас: я не издам ни звука. Признаться, не очень-то любезно с вашей стороны думать так обо мне, – торжественно произнес раненый за секунду до того, как жидкий огонь крепкого бренди коснулся его кожи.

Он завопил от боли и едва удержался на сиденье. Бредфорд, чувствуя себя совершенно беспомощным, лишь сочувственно глядел на друга.

Кэролайн достала небольшую коробочку желтого порошка, пахнувшего болотной водой и мокрыми листьями, и обильно посыпала им рану. Потом взяла оторванную от нижней юбки полоску ткани и принялась перевязывать раненую ногу.

– Лекарство снимет боль и поможет ране побыстрее затянуться, – ласково утешила она беднягу.

Бредфорд был очарован звучанием ее хриповатого, чувственного голоса. Он поймал себя на мысли, что хотел бы оказаться на месте своего друга, и даже потряс головой, чтобы отделаться от наваждения. Что такое с ним происходит? Он чувствовал себя околдованным и смущенным. Никогда раньше не приходилось ему смущаться в обществе женщины, и это ему не очень-то нравилось. Она лишила его самообладания. Видит Бог, столь сильная реакция на присутствие этой черноволосой малышки испугала его самого, и Бредфорд снова ощутил себя растерянным школьником, не выучившим урока.

– Я веду себя как последний трус, который не может перенести боль, – прошептал мистер Смит. Он вытер платком пот со лба и опустил взгляд. – Но ваша матушка – настоящий варвар, если использует такие методы лечения.

– Ну что вы, мистер Смит, вы же только едва слышно простонали, – твердо и уверенно произнесла Кэролайн. Похлопав его по колену, она взглянула раненому в лицо. – Вы прекрасно держитесь. Да и перед этими бандитами вы не сплеховали.

Кэролайн немедленно ощутила действие своих слов: мистер Смит снова обрел свой обычный напыщенный вид.

– Вы вели себя отважно, и вам не в чем себя упрекать. И я прощаю вас за то, что вы назвали мою маму варваром, – с нежной улыбкой добавила она.

– Да, я был довольно беспомощен перед этими бандитами, – признался мистер Смит. – Разумеется, вы понимаете, что они превосходили меня числом.

– Все именно так и было, – согласилась Кэролайн. – И вы должны гордиться своим поведением. Не правда ли, мистер Бредфорд?

– Истинная правда, – тут же ответил Бредфорд, невероятно довольный тем, что она наконец-то заметила его присутствие.

Мистер Смит что-то успокоенно пробормотал.

– Так что единственный трус во всей округе – тот ирландский кучер, которого мы наняли, – заметила Кэролайн, начиная бинтовать ногу мистера Смита.

– Вы не любите ирландцев? – спросил Бредфорд, лениво растягивая слова.

Его заинтриговала страсть, звучавшая в ее голосе. Кэролайн подняла на него горящий гневом взгляд, и Бредфорд поймал себя на мысли: интересно, любит ли она так же страстно, как и ненавидит? Но он тут же постарался забыть эту нелепую мысль.

– Все ирландцы, которых я встречала в жизни, были сущими негодьями, – мрачно призналась Кэролайн. – Мама говорит, что я должна быть более снисходительна к людям, но я просто не могу. – Она вздохнула и вернулась к прерванному занятию. – Как-то раз на меня напали трое ирландцев, давно, когда я была совсем маленькой, и, если бы не пришел на помощь Бенджамин, не знаю, чем бы все это закончилось. Скорее всего сейчас бы я не разговаривала с вами.

– Мне трудно себе представить, что вы не смогли постоять за себя, – вставил мистер Смит.

Это прозвучало как комплимент, и Кэролайн неожиданно почувствовала себя польщенной.

– Тогда я еще не умела как следует постоять за себя. Мои двоюродные братья очень расстроились после этого происшествия и стали по очереди учить меня самозащите.

– Эта женщина – настоящий ходячий арсенал, – заметил мистер Смит своему другу. – Она сказала, что приготовила все это оружие для защиты от лондонцев.

– Неужели мы снова будем обсуждать разницу между разнузданными колониями и вашим стыдливым Лондоном, мистер Смит? – В голосе Кэролайн звучала

насмешка.

Она поддразнивала его скорее для того, чтобы он отвлекся от терзавшей его боли, нежными, уверенными движениями продолжая бинтовать его ногу.

Черты лица мистера Смита мало-помалу разглаживались.

– Я определенно чувствую себя гораздо лучше. И обязан своей жизнью вам, дорогая незнакомка.

Кэролайн сделала вид, что не слышит его пылкой тирады, и быстро сменила тему разговора. Она всегда чувствовала себя неловко, слушая пышные светские речи.

– Через две недели вы снова будете танцевать, – пообещала она. – Вы ведь бываете в обществе? Хотя скорее всего вы сами и есть это общество?

Этот невинный вопрос привел мистера Смита в совершенное замешательство. Он даже поперхнулся от неожиданности и покраснел, словно от удущья. Кэролайн несколько секунд смотрела на него, а потом перевела взгляд на Бредфорда. В его ответном взгляде она прочитала откровенную усмешку и подумала, что, когда он улыбается, пусть даже только глазами, становится гораздо симпатичнее.

Она терпеливо ждала ответа на свой вопрос, но мистер Смит, по-прежнему кашляя и давясь, похоже, решил не отвечать на него.

Нет, Бредфорда никак нельзя назвать хлыщом. Придя к этому заключению, она вдруг ощутила некоторое разочарование. Нет, он совершенно не был похож на мистера Смита. Друзья одевались у одного портного, но Кэролайн не могла себе представить, что Бредфорд мог бы вести себя подобным образом. Да и кожа ног этого великана скорее всего ничем не напоминает нежную кожу ребенка. Нет, она должна быть грубой, а под ней – сильные мышцы. Даже внешне Бредфорд казался намного сильнее и телом, и духом, чем мистер Смит. Вряд ли он пустился бы наутек от напавших на него разбойников. Ей пришло в голову, что он легко смог бы сокрушить своих противников одним ударом могучего кулака. Интересно, а каков он с женщиной? Кэролайн почувствовала, как от этой мысли ее щеки порозовели. Что это с ней такое творится? Неужели она в самом деле

хотела представить себе мужчину без одежды, хотела знать, как он поведет себя, коснувшись женщины? Боже, это же совершенно невозможно!

Бредфорд заметил легкий румянец, заигравший у нее на щеках, и предположил, что она думает, будто мистер Смит смеется над ней. Он решил ответить за своего приятеля.

– Мы оба принадлежим к обществу, но мистера Смита это занимает куда больше, чем меня.

Он не стал добавлять, что крайне редко бывает на светских раутах, а когда все же вынужден там появляться, то чувствует только невозможную скуку. Вместо того чтобы рассказать все это, он спросил:

– Вы упомянули, что приехали повидать своего батюшку? В таком случае вы скорее всего живете в колониях? Вероятно, с вашей матушкой?

Бредфорд не хотел признаваться даже самому себе в том, что Кэролайн пробудила в нем интерес, и убеждал себя, что хочет лишь поддержать приличествующий случаю разговор – и ничего больше.

Кэролайн нахмурилась. С ее стороны было бы бестактным не ответить на вежливо заданный вопрос, но она не была расположена сколько-нибудь подробно рассказывать о себе, пусть даже самым изысканным джентльменам. Если ее планы осуществляются, то пробыть в Лондоне ей предстояло всего лишь несколько дней, и в ее намерения не входило заводить дружбу с кем бы то ни было из англичан. Но, похоже, ей никуда не деться от ответа – такое ожидание было написано на лицах обоих мужчин. Придется что-то сказать.

– Моя матушка умерла много лет назад, – наконец произнесла она. – Мы переехали в Бостон, когда я была совсем маленькой девочкой. Меня вырастили мои дядя и тетя, и я всегда называла мою тетю мамой. Да и как не называть? Она воспитала меня. Так было проще... по существу это верно, – добавила она, задумчиво глядя в окно экипажа.

– И как долго вы пробудете в Лондоне? – спросил Бредфорд. Подавшись вперед, он крепко сжал свои большие сильные руки, взволнованно ожидая ответа.

– Черити собирается появиться на кое-каких званых вечерах, – ответила она, уклоняясь от заданного ей вопроса.

Бредфорд нахмурился, не услышав точного ответа, и снова спросил:

– Сезон уже скоро начнется. Неужели вы не хотите попытать счастья?

Он сделал над собой усилие и повел беседу в вольном тоне, убеждая себя, что отнюдь не хочет опровергнуть ее провинциальные ожидания. Она была женщиной, и поэтому ей должно быть привычно говорить в такой легкомысленной манере.

– Сказать по правде, я не думала ни о чем подобном. Я уверена, что Черити будет в восторге от приемов.

Она, нахмурившись, взглянула на Бредфорда, и он поразился силе ее взгляда. Пожалуй, этот прямой взгляд мог привести в замешательство любого мужчину, но не Бредфорда. Герцог достаточно повидал и пережил, чтобы его мог выбить из колеи взгляд совсем юной особы. И все же он был встревожен своей совершенно необычной реакцией. Боже, он ни разу в жизни еще не был столь ошеломлен и потрясен женщиной! Что же это такое с ним происходит? Когда их взгляды встретились, он всем существом почувствовал волну жара, исходящего от этой стоящей на коленях женщины. Она смотрела на него прямо и совершенно невинно, но в ее взгляде Бредфорд, жизнь которого отнюдь не была согрета женским теплом, читал обещание ласки и нежности.

Их взгляды встретились. Миг молчания нарушил мистер Смит, который, кашлянув, произнес:

– Так вы не очень-то ждете предстоящего сезона, не так ли?

Кэролайн показалось, что он сам был совершенно ошеломлен неделикатностью собственного вопроса.

– Я об этом просто не думала, – ответила Кэролайн. Она улыбнулась и добавила:
– О, мы слышаны таких историй о здешнем обществе! Говорят, оно состоит из чопорных, обособленных групп людей, и любому новичку приходится быть очень

осторожным. Черити очень боится сделать что-нибудь такое, что в первый же ее выход шокирует моего отца. Понимаете, она хочет быть безупречной.

Голос ее звучал несколько сдавленно, и Бредфорд чувствовал себя все больше и больше заинтересованным.

Мистер Смит произнес:

– Уверяю вас, дорогие леди, что весь Лондон только и будет говорить о вас.

Слова эти прозвучали напыщенно и самодовольно. Он полагал, что его собеседница воспримет их как комплимент, и был крайне смущен, когда Кэролайн уныло кивнула и нахмурилась.

– Именно поэтому Черити и беспокоится за меня. Она боится, что я сделаю нечто ужасное по меркам здешнего общества и об этом узнает весь Лондон. Понимаете, что бы я ни делала, я всегда попадаю в какие-нибудь неловкие ситуации. Моя мама зовет меня бунтовщицей. Боюсь, что она права.

Кэролайн произнесла всю эту тираду совершенно обыденным тоном, привычно повторяя надоевшие с детства нравоучения.

– Нет, нет, – запротестовал мистер Смит, помахивая в воздухе платком, словно моля о перемирии. – Я хотел сказать, что все общество примет вас с распростертыми объятиями. Я вам это предсказываю наверняка.

– Вы чрезвычайно любезны, – понизив голос, прошептала Кэролайн. – Но я не слишком на это надеюсь. Хотя меня не очень-то расстроит, даже если я не придусь по нраву самому Паммеру.

– Паммеру? – в один голос переспросили Бредфорд и мистер Смит.

– Паммер или Браммер, – пожав плечами, поправилась Кэролайн. – Мистер Смит, будьте так добры немного подвинуть вашу ногу, чтобы я могла завязать узел. Вот так, теперь я могу продолжать.

– Может, вы имеете в виду Брюммеля? Бью Брюммеля?[З - Бью Брюммель – Джордж Бранен Брюммель (или Браммель), 1778–1840 гг., известный лондонский фронт, законодатель мужской моды.] – спросил Бредфорд, невольно улыбнувшись.

– Да, именно так, кажется, правильно произносится его имя. Накануне отъезда из Бостона миссис Майбэри рассказала нам, что именно этот Брюммель и задает тон во всем обществе. Возможно, вы знаете, что миссис Майбэри из Лондона приехала в колонии совсем незадолго до нашего отъезда, поэтому нам кажется, что это должно быть истинной правдой.

– И что же она вам рассказала? – спросил Бредфорд.

– Что если какая-нибудь из дам не понравится этому Брюммелю, то она сразу же может идти в монастырь. Ее светская жизнь будет закончена, и ей останется вести уединенную жизнь затворницы. Вы можете себе представить, что один человек имеет такую власть? – спросила она, поднимая взгляд на Бредфорда.

И тут же пожалела об этом. Разумеется, сказала она себе, он может представить себе такую власть. А скорее всего он и сам обладает такой властью над людьми. Она расстроено вздохнула и потупила взгляд. Присутствие Бредфорда все заметнее нервировало ее. Она взглянула на мистера Смита и заметила обеспокоенное выражение его лица.

– О, неужели я наложила слишком тугую повязку?

– Н-нет, все прекрасно, – слегка заикаясь, ответил мистер Смит.

– Вы, конечно, понимаете, что я лично ничуть не беспокоюсь о том, придусь ли по вкусу Брюммелю или нет. В Лондоне я никуда не приглашена. Меня всерьез волнует только одно – чтобы мое поведение не помешало Черити. Мне бы хотелось, чтобы ей не пришлось переживать за меня. Да, вот об этом я беспокоюсь.

– Мне почему-то кажется, что этот самый Бью Брюммель не будет строить козни ни вам, ни вашей сестре, – пророчески произнес Бредфорд.

– Вы чересчур прекрасны, чтобы общество отвергло вас, – вставил мистер Смит.

– Быть привлекательной еще не значит быть принятой в обществе, – задумчиво произнесла Кэролайн.

– А кроме того, я слышал, что этот Брюммель очень ценит своих мышастых, – сухо заметил Бредфорд.

– Своих мышастых? – переспросила озадаченная Кэролайн.

– Своих лошадей, – пояснил Бредфорд. – Я ни минуты не сомневаюсь, что вы перестреляли бы их, если бы он только задумал что-нибудь против вас или вашей сестры.

Лицо его было серьезно, но взгляд стал лукавым и дразнящим.

– О, никогда в жизни! – воскликнула Кэролайн.

Он улыбнулся, и Кэролайн покачала головой.

– Вы шутите, – произнесла она и снова повернулась к мистеру Смицу. – Я закончила перевязку. Возьмите это лекарство и меняйте повязку каждый день. И ради всего святого, не позволяйте делать вам кровопускание. Вы и так уже потеряли слишком много крови.

– Это тоже из практики вашей матушки? – недоверчиво спросил мистер Смит.

Кэролайн кивнула, выбираясь из кареты. Оказавшись снаружи, она повернулась и помогла мистеру Смицу положить ногу на противоположное сиденье, рядом с внушительной фигурой Бредфорда.

– Надеюсь, с вами все будет в порядке, мистер Смит. Правда, ваши чудесные башмаки напрочь испорчены. И еще кисти вашего пояса измазаны кровью. Возможно, вы вымоете их в шампанском – так, по словам миссис Майбэри, всегда делает этот Брюммель, – и тогда они снова будут как новенькие.

– Это ведь самая страшная тайна Брюммеля! – воскликнул с негодованием мистер Смит.

– Это не может быть такой уж страшной тайной, – ответила Кэролайн, – поскольку об этом знает миссис Майбэри и, наверное, вы тоже.

Она не стала ждать ответа на свое логическое заключение и повернулась к Бредфорду:

– Надеюсь, вы присмотрите за своим другом?

Бредфорд торжественно поклонился Кэролайн и улыбнулся.

– Мы нашли кучера, – раздался голос Черити. – У него на голове изрядная шишка, но он все же держится на ногах.

Кэролайн кивнула и сказала:

– Всего вам доброго. Бенджамин, нам пора. Мистер Бредфорд позаботится о мистере Смите.

Чернокожий что-то сказал Кэролайн на языке, которого Бредфорд никогда не слышал, но по улыбке Кэролайн было ясно, что она прекрасно поняла его слова.

Затем приезжие удалились. Ни один из мужчин не произнес ни слова, глядя, как черноволосая нимфа вместе со своей белокурой сестрой удаляется от них по дороге. Граф Бредфорд даже вышел из кареты, чтобы подольше не терять их из виду, в то время как его друг, высунув голову из окна, тоже глядел девушкам вслед.

Бредфорд поймал себя на том, что улыбается. Невысокая девушка со светлыми кудряшками что-то оживленно говорила Кэролайн, а молчаливый чернокожий слуга с пистолетом наготове следовал за ними, прикрывая сестер от возможной опасности.

– Боже мой, я едва не сошел с ума, – произнес раненый. – Они только что прибыли из колоний, – прибавил он с оттенком снисхождения в голосе. – И все

же она вскружила мне голову.

– Забудь про это, – посоветовал Бредфорд. – Она нужна мне. Мне все равно, из колоний она или нет.

Тон его голоса был непрекаем, и его друг согласно закивал головой:

– Ну и заваруха начнется, если ты приударить за ней. Вряд ли ее отец титулованная особа... Это же просто невозможно. Не забывай про свое положение в свете...

– А ты из-за своего положения ставишь на этом крест? – с интересом спросил Бредфорд.

– Нет. Я буду помогать тебе. Она спасла мне жизнь.

Бредфорд вопросительно вскинул бровь, и его друг поспешил ответить на молчаливый вопрос:

– Она появилась сразу вслед за этими негодями и выбила пулей пистолет из руки их предводителя всего за секунду до того, как он собирался меня застрелить.

– Нисколько не сомневаюсь, что она способна на это, – произнес Бредфорд.

– И ранила еще одного в плечо.

– А ты обратил внимание, как она ушла от моего вопроса?

Мистер Смит заулыбался.

– Я никогда раньше не думал, что мне удастся увидеть твою улыбку, Бредфорд, а сегодня она не сходила у тебя с лица. Общество сойдет с ума от домыслов. Тебе с этой малышкой будет не так-то просто. Завидую твоей отваге.

Бредфорд не ответил, но повернулся и снова посмотрел туда, где за поворотом дороги скрылись три фигуры.

– Представляю, в какое изумление придут все эти изысканные дамы, когда увидят ее. Ты обратил внимание на цвет ее глаз? Тебе придется сражаться за нее, Бредфорд. Боже мой, ты только посмотри на мои башмаки!

Граф Бредфорд, пропустив эти слова мимо ушей, громко рассмеялся.

– Ну так что, Брюммель, ты намерен закрыть ей доступ в общество?

Глава 2

Наемный экипаж неторопливо катил обратно в Лондон. Бенджамин, заподозрив кучера в небрежном отношении к своим обязанностям, решил ехать вместе с ним на облучке, чтобы приглядывать за ним.

Кэролайн и Черити сидели в экипаже друг против друга. После того как Черити всласть наговорила, воцарилось глубокое молчание.

Черити никогда раньше не была такой встревоженной. Кэролайн понимала, что оживленная болтовня была необходима ее сестре, чтобы отвлечься от всего пережитого ею. Сама она пока не спешила делиться с сестрой собственными мыслями. И отнюдь не из-за гордости, просто она знала, что кузина готова поделиться любой тайной с первым встречным. Ее мать говаривала, что Черити разносит новости куда быстрее, чем бостонский «Джорнэл».

Кэролайн являла собой полную противоположность Черити: заслужив репутацию скромной, молчаливой натуры и давно смирившись с тем, что она не создана для того, чтобы поверять другим секреты, Кэролайн предпочитала оберегать свои тайны.

– Я бы хотела, чтобы мы заранее придумали какой-нибудь план, в соответствии с которым начали бы действовать, прибыв наконец в Англию, – снова заговорила Черити. Она нервно комкала в руках перчатки. – Я так рассчитываю на твой

совет, что делать дальше.

– Черити, мы с тобой снова и снова говорим об одном и том же. Я знаю, что все складывается не так, как ты себе представляла, но постарайся перестать беспокоиться. А то ты только постареешь и покроешься морщинами раньше времени. – Голос Кэролайн был исполнен сочувствия, но тверд. – Ты же знаешь, что я тебе помогу. Но ты должна мне пообещать, что будешь осторожна.

– Ну да, осторожность, в этом все дело. Если бы у меня была хотя бы часть твоей уверенности, Линни, – ответила Черити, назвав сестру ее детским прозвищем. – Ты всегда так спокойна, всегда держишь себя в руках.

Черити снова испустила долгий вздох, вызвав у своей сестры только улыбку. Она всегда была склонна к театральным эффектам.

– А если окажется, что он женат?

Кэролайн сочла за лучшее не отвечать. Она вряд ли сможет скрыть свое раздражение, а это вызовет у Черити новый поток слез. После долгого и небезопасного путешествия Кэролайн совсем не хотелось утешать сестру.

Мужчины! Все они одинаковы! Разумеется, за исключением ее милых двоюродных братьев. Но почему прелестная Черити отдала свое сердце англичанину, это оставалось загадкой для Кэролайн. В самом Бостоне вокруг Черити всегда крутилось множество молодых людей, добивающихся ее внимания, но сестра почему-то выбрала мужчину издалека. Этот англичанин, Пол Бличли, был в Бостоне, когда они с Черити случайно встретились, и Черити была убеждена в том, что она влюбилась в него с первого взгляда. Из всей этой ерунды Кэролайн верила только тому, что первый взгляд здесь в самом деле сыграл роковую роль. Черити была без очков, когда она налетела на Пола Бличли, поворачивая с Каштановой улицы на городскую площадь.

Их роман длился шесть недель и был весьма бурным. Черити поклялась Бличли в любви и сообщила Кэролайн по секрету, что Бличли сделал то же самое. Она была уверена в серьезности намерений англичанина и верила в его любовь даже тогда, когда он неожиданно исчез.

Черити была невероятно наивна. Но Кэролайн было не так-то просто провести. Ни она, ни кто другой из членов их семьи никогда не видели этого молодого человека. Каждый раз, когда его приглашали отобедать у них дома, у Пола Бличли в самый последний момент неожиданно возникали спешные дела.

Подозрение Кэролайн, что англичанин хладнокровно играет чувствами ее сестры, усилилось, когда она начала потихоньку наводить о нем справки. Черити как-то сказала, что Бличли приехал в Бостон навестить своих родных, но в их небольшом городе, где все про всех знали, о нем никто ничего не слышал.

Исчезновение Бличли совпало по времени со страшным взрывом, прогремевшим ночью в гавани Бостона. В результате этого взрыва затонули три английских корабля и две американские шхуны. Не имея доказательств, Кэролайн не высказывала вслух своих подозрений, но в душе была совершенно убеждена в том, что Пол Бличли каким-то образом был причастен к этой истории.

Вся семья вздохнула спокойнее, когда Бличли исчез. Родственники решили, что он вернулся в Англию, а Черити в скором времени благополучно забудет о своем увлечении. Но они обманулись в своих надеждах. Черити обезумела от горя, когда поняла, что Бличли бросил ее. Она не находила себе места, и даже Кэролайн согласилась с тем, что необходимо выяснить, что же в конце концов произошло.

– Мне так стыдно за себя, – произнесла Черити, нарушив мысли Кэролайн. – Ты ни слова не сказала о том, что тебя тревожит, а я только и говорю о своем.

– Но меня ничто не беспокоит, – возразила Кэролайн.

Черити недоверчиво покачала головой.

– Ты четырнадцать лет не видела своего отца, и тебя ничто не беспокоит? Не пытайся провести меня, Кэролайн. Ты места себе не должна находить! Твой отец перевернул всю твою жизнь, а ты ведешь себя так, будто все это не имеет никакого значения.

– Черити, но я же ничего не могу тут изменить, – произнесла Кэролайн, не в силах скрыть раздражение.

– С тех пор как пришло это письмо, ты скрываешь свои чувства под маской равнодушия. Я же знаю, что ты сходишь с ума от волнения! Я так зла на твоего отца. Ведь ты моя сестра, член нашей семьи, а не дочь человека, которого даже не помнишь.

Кэролайн молча кивнула, вспоминая горестную сцену, разыгравшуюся в их бостонском доме, когда она и Черити вернулись с утренней прогулки верхом. Остальные члены семьи уже ожидали сестер, и лица у всех были сумрачными.

При виде девушек мать Черити расплакалась и стала невнятно бормотать, всхлипывая, что Кэролайн в той же мере ее дочь, как и Черити. Ведь она растила ее с четырех лет, разве не так? И все это время Кэролайн называла ее своей мамой. Отец Черити, изо всех сил стараясь держать себя в руках, сообщил Кэролайн, что она должна вернуться в Англию.

– Ты думаешь, что он и в самом деле приехал бы за тобой, как грозился в своем письме? – спросила Черити.

– Да, – вздохнув, ответила Кэролайн и продолжала: – Мы все же слишком далеко зашли. Мой отец, должно быть, решил, что я слабая и болезненная. Ты ведь знаешь, что каждый раз, когда он затевал в письмах разговор о моем возвращении, твоя мама писала ему про какую-нибудь новую болезнь, которую я подхватила. Мне кажется, она не додумалась только до чумы, да и то потому, что хватало других хворей.

– Но он очень долго даже не вспоминал о тебе. И отдал тебя нам.

– И все же он с самого начала предупредил, что это только временно, – заметила Кэролайн. – Я не понимаю, что же тогда случилось, но, похоже, что после смерти моей матери отец просто не мог уделять мне достаточно времени, и он...

– Но он все же граф, – прервала ее Черити. – И вполне мог нанять кого-то, кто бы приглядывал за тобой. Почему же он хочет, чтобы ты вернулась именно сейчас, когда прошло столько лет? Все это не имеет никакого смысла.

– Совсем скоро я все узнаю, – тихо произнесла Кэролайн.

– Кэролайн, а ты помнишь что-нибудь из своего раннего детства? Самое раннее мое воспоминание – как я шестилетней свалилась с чердака у Брюстеров.

– Нет, я помню себя только с Бостона, – ответила Кэролайн.

Она непроизвольно сжалась и почувствовала, что не в силах продолжать этот разговор.

– И все же я не понимаю, почему ты не испытываешь ненависти к этому человеку. Не смотри так на меня. Я знаю, что ненависть – дурное чувство, но твой папа, совершенно очевидно, был равнодушен к тебе, и вот через четырнадцать лет вдруг требует тебя к себе. А о твоих чувствах он даже не подумал.

– Я должна думать, что у моего отца были причины так поступать, – только и ответила на это Кэролайн.

– Каймен страшно рассвирепел, когда услышал о твоём отъезде, – заметила Черити, имея в виду старшего брата.

– Я всегда буду помнить о том, что сделали для меня твои родители и братья, и не могу сердиться на него, – произнесла Кэролайн. Эти слова прозвучали как клятва. – К тому же гнев и ненависть – дурные чувства, они ничего не могут изменить.

Черити только нахмурилась и покачала головой.

– Все же я не могу понять, почему ты так быстро согласилась на это. Ведь у тебя на каждый случай есть план. Расскажи мне, что ты будешь делать. Не в твоих правилах просто плыть по течению. Ты по натуре не созерцатель... ты деятель.

– Деятель? – Кэролайн улыбнулась словам сестры.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать. Ты не будешь сидеть сложа руки, а постарайся поступить по-своему.

– Что ж, пока я решила провести со своим отцом целый год. Я просто обязана это сделать. И еще я постараюсь полюбить его. После этого, разумеется, вернусь в Бостон.

– Но что, если твой отец просто не позволит тебе вернуться? – Черити снова начала нервно теребить перчатки, и Кэролайн поспешила успокоить ее:

– Я все же верю, что он поймет меня. Не хмурься, Черити. Это моя единственная надежда. И пожалуйста, не старайся лишить меня ее.

– Я вовсе не собираюсь этого делать. Но, боже мой, ведь он может выдать тебя замуж, не дожидаясь, пока ты привыкнешь к Лондону.

– Это будет с его стороны весьма жестоко, и я не хочу верить, что он способен на такое.

– А ты слышала, как Каймен сказал Люку и Джастину, что он поедет за тобой и привезет тебя обратно в Бостон, если ты не вернешься через шесть месяцев?

Кэролайн кивнула.

– Слышала, – ответила она. – И Джордж, всегда такой спокойный и хладнокровный, сказал то же самое. Твои братья очень преданны мне.

Кэролайн поймала себя на том, что при мысли о братьях она невольно начинает улыбаться. В который раз она подумала, что ей здорово повезло вырасти вместе с ними. Она считала, что ее характер сформировался под их влиянием, и даже внешностью и живостью она напоминала Каймена, брата Черити, в выражении ее лица порой проскальзывала столь свойственная Джорджу застенчивость, от Джастина она переняла стойкость, честность и прямоту, а от Люка – замечательное чувство юмора.

– Мы должны были сначала написать твоему отцу и подождать, пока он получит письмо, а уж потом отправляться из Бостона, – заметила Черити.

Кэролайн улыбнулась.

– Ты помнишь только то, что хочешь помнить, Черити. Как только мама согласилась на твою поездку вместе со мной, ты тут же начала настаивать, что нам пора немедленно выезжать.

– Это только потому, что Каймен старался убедить маму, что мне не следует ехать, – объяснила Черити таким тоном, словно растолковывала нечто непонятливому ребенку. Она вздохнула, показывая, что устала от этого занятия, и спросила: – Кто же был этот высокий мужчина, который помог тебе управиться с раненым? – Неожиданный поворот разговора несколько обескуражил Кэролайн, но Черити не унималась: – Он определенно красив.

– Он ничуть не красив, – бросила в ответ Кэролайн, сама удивляясь овладевшему ею раздражению. – Я хочу сказать, что не нахожу его ни в малейшей степени привлекательным!

– Как ты можешь так говорить? Даже без очков я заметила, что он весьма интересен.

– Довольно. Этот человек на редкость высокомерен. Мы все равно скорее всего с ним никогда больше не встретимся, и это только к лучшему.

Черити озадаченно посмотрела на сестру и произнесла:

– Такой громадный мужчина с чудесными голубыми глазами...

– Они у него вовсе не голубые, а темно-карие, с золотыми искрами, – не подозревая подвоха, поправила ее Кэролайн.

Черити рассмеялась.

– Ты тоже считаешь его красивым. Я тебя провела. Мне прекрасно известно, что у него вовсе не голубые глаза, но еще я обратила внимание на его волосы, – продолжала она, не обращая внимания на раздражение сестры. – Они у него вьются, хотя и нуждаются в стрижке.

– Не так уж и вьются, – равнодушно пожав плечами, заявила Кэролайн.

– Я даже немного испугалась его, – призналась Черити. – Он выглядел таким...

– Мощным? – перебила ее Кэролайн. Черити кивнула, и Кэролайн продолжила: – Его зовут Бредфорд, и я не хочу больше о нем разговаривать. Ты нашла то стеклышко от очков, которое потеряла?

– Да, и отдала его Бену. Он обещал починить очки, когда мы приедем в городской дом твоего отца. Мне кажется, что тот человек именно мощный. И этого Бредфорда не так-то просто держать в узде, – заключила Черити, многозначительно покачивая головой.

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты не сможешь крутить им так, как ты делаешь это с Кларенсом.

– Но я ничего не делаю с Кларенсом, – возразила Кэролайн. – Мы с ним просто друзья.

– Кларенс бегают за тобой, как щенок, – не унималась Черити. – Он чересчур слабохарактерен для тебя. Даже Каймен так считает. Тебе нужен мужчина с куда более сильным характером.

– Перестань болтать ерунду, – ответила Кэролайн.

Мимолетные замечания Черити привели ее в совершенное замешательство.

– Погоди немного. Я видела, как этот Бредфорд смотрел на тебя. Я совершенно уверена, что он постарается тебя разыскать. Да, я в этом уверена, – поспешила произнести она, увидев, как Кэролайн открыла рот, чтобы возразить ей. – Когда ты полюбишь человека сильного, вроде мистера Бредфорда, то изменишься и сама. Ты перестанешь быть такой независимой. Разумеется, тебе не следует влюбляться в англичанина, если ты решила вернуться в Бостон.

Ну, это уж был совершеннейший абсурд, и Кэролайн решила не отвечать. Она не собиралась влюбляться в кого бы то ни было. Ни за что! Ею постепенно овладевала сонливость, и все нелепые замечания Черити скользили мимо ее сознания.

Морское путешествие из Бостона в Лондон показалось ей бесконечным. Кэролайн быстро освоилась на борту судна, у нее, по выражению капитана, «выросли плавники», но Черити и Бенджамин оказались сугубо сухопутными жителями. Большую часть времени Кэролайн пришлось проводить в заботах об их желудках и принимать на себя вспышки их раздражения. Все это длилось долго и порядком вымотало Кэролайн.

Утром, как только судно вошло в порт, они сразу же послали графу Брэкстону весточку о своем прибытии. Посланец вернулся с известием, что граф сейчас находится в своем деревенском поместье, в трех часах езды верхом от Лондона. Кэролайн решила остановиться в городском доме своего отца и сообщить ему о своем прибытии, несмотря на желание Черити, нетерпеливой по характеру, нанять экипаж и отправиться в поместье.

– Ну вот наконец и добрались! – воскликнула Черити, когда карета остановилась перед городским особняком графа Брэкстона.

Голос ее звучал восторженно, и она совсем не выглядела усталой. Это раздражало Кэролайн в не меньшей степени, чем оживленная болтовня сестры.

Черити высунулась из окна кареты, разглядывая дом, и Кэролайн была вынуждена одернуть кузину, чтобы открыть дверцу.

– Я так и знала, что это будет чудесный дом! – снова воскликнула Черити. – В конце концов, ведь твой отец все же граф. О, Кэролайн, неужели ты не волнуешься?

– Нисколько. Ведь моего отца нет дома, – ответила та, разглядывая фешенебельный дом из темно-красного кирпича, возвышающийся перед ней.

Она была вынуждена признать, что он выглядит чрезвычайно впечатляюще. На фасад дома выходило несколько высоких прямоугольных окон, переплет каждого из которых был окрашен в цвет слоновой кости, что приятно контрастировало с красным кирпичом. Ставни того же цвета, распахнутые по обеим сторонам окон, придавали дому солидный и даже величественный вид.

К входной двери с улицы вели три ступеньки, сама дверь была также выкрашена краской цвета слоновой кости. В центре двери висел черный дверной молоток,

инкрустированный золотом, но не успела Кэролайн протянуть к нему руку, как дверь распахнулась.

Человек, открывший дверь, наверняка был дворецким; выглядел он столь же величественно, как и сам дом. Одетый во все черное, даже не считая нужным смягчить свой мрачный вид хотя бы светлым галстуком, он хранил бесстрастное выражение лица, пока Кэролайн не представилась как дочь графа Брэкстона. Тогда взгляд дворецкого смягчился, и он улыбнулся девушке снизу вверх. Сдержанная, едва заметная полуулыбка показалась Кэролайн сердечной и искренней.

Пригласив гостей в дом, он представился им как Дейтон и с важным видом объяснил, что он один из домочадцев графа. Затем сообщил, что прибыл совсем недавно для присмотра за слугами, приводящими дом в порядок к предстоящему сезону. Самого же графа ожидали только к вечеру. Кэролайн поняла, что если бы они направились в его сельское поместье, то неизбежно разминутись бы с отцом.

В доме кипела работа. Слуги сновали из комнаты в комнату с тряпками и ведрами горячей воды.

Кэролайн вскоре убедилась, что при всем своем бесстрастном виде Дейтон не дает слугам спуску. Он коротко приказал – и две проворные служанки в одно мгновение распаковали вещи девушек. На втором этаже дома располагались большой кабинет и пять спален, для Кэролайн и Черити были отведены соседние комнаты.

Пройдясь по комнатам второго этажа, Кэролайн, сопровождаемая Бенджамином, поднялась на третий этаж, чтобы посмотреть, насколько удобна отведенная ему комната. Оставив его разбирать вещи, она снова спустилась на второй этаж и помогла Черити найти запасную пару очков.

Черити тоже устраивалась на новом месте. Кэролайн ощутила в душе нарастающее беспокойство и поняла его причину. К ночи здесь должен был появиться ее отец, и она беспокоилась, как он примет ее. Окажется ли он столь же притягательным человеком, каким казался дочери по письмам? Понравится ли ему ее внешность или он будет разочарован? Полюбит ли он ее? И, что столь же важно, полюбит ли она его?

Она задержалась у двери в просторную библиотеку на верхней площадке лестницы и заглянула внутрь. Комната сияла чистотой и безупречным порядком, но не давала ощущения тепла. Окажется ли ее отец столь же чопорным, как и его библиотека?

Кэролайн еще больше забеспокоилась, пройдя по всем комнатам первого этажа. Какой же здесь царил порядок! Порядок и чертовский холод! Слева от прихожей, обшитой деревянными панелями, располагалась гостиная. Отделанная золотом и слоновой костью, драпированная нежно-розовой тканью, она выглядела прелестной, но неуютной. Кэролайн попыталась представить себе своих двоюродных братьев, привольно расположившихся на розовых диванах, и невольно рассмеялась. Богатая мебель в чехлах вряд ли смогла бы выдержать их большие, немного неуклюжие тела, облаченные в рабочую одежду, а натертые до блеска полы не гармонировали бы с башмаками, с которых они всегда забывали счистить грязь. Нет, Каймен, Люк и Джордж чувствовали бы себя в этой комнате столь же скованно, как и она сама.

Справа от прихожей располагалась парадная столовая. Центральное место в ней занимали массивный стол красного дерева и двенадцать кресел, в буфете у дальней стены поблескивали резной хрусталь и кубки с золотой каемкой. Столовая была в глаза богатством и роскошью, но тоже казалась холодной и неуютной.

Пройдя по длинному коридору, Кэролайн обнаружила еще одну библиотеку, расположенную сразу же за гостиной. Открыв скромную дверь, она растерялась, увидев совершенно другую обстановку. По-видимому, именно в этой комнате ее отец на самом деле и жил. Она задержалась на пороге, сомневаясь, можно ли ей вторгаться в святая святых этого дома, но потом все же вошла. Ее внимание привлек чудесный старинный письменный стол, возле которого стояли два потертых кожаных кресла, а также многочисленные книги, полки с которыми занимали две стены. Окна третьей стены выходили в маленький садик. Полюбовавшись видом из окон, Кэролайн повернулась к четвертой стене и застыла на месте от удивления. От пола до потолка эта стена была увешана ее собственными рисунками – начиная от неуклюжих набросков животных, нарисованных ею в самом раннем возрасте, до более искусных изображений домов и деревьев. В центре этой экспозиции располагался рисунок, особо памятный Кэролайн. Подойдя к нему поближе, она только покачала головой и улыбнулась. Это была ее первая попытка сделать семейный портрет. На рисунке были изображены все: ее бостонские родители, Черити, ее братья и даже ее

отец, хотя она и поставила его несколько поодаль от всех остальных.

Внешность всех героев семейного портрета не могла не рассмешить. Кэролайн не стала выписывать их туловища, ограничившись кружочками, руки и ноги изобразила в виде палочек и все внимание уделила почему-то зубам. Маленькие улыбающиеся лица с громадными торчащими зубами! Ей было тогда около шести лет, и она весьма гордилась своей картиной.

То, что отец сохранил все ее рисунки, глубоко тронуло Кэролайн. Должно быть, мать Черити, не говоря ни слова Кэролайн, посылала их ее отцу.

Кэролайн оперлась о край стола и долго смотрела на развешанные на стене рисунки. Она заметила, что на ранних ее рисунках еще присутствовал образ отца, но, по мере того как она делала успехи в технике и выросла, он больше не появлялся на картинах. И все же он сохранил все ее рисунки... Теперь, после этого открытия, она воспринимала его не столько как графа, сколько как реального близкого человека – как отца. Она внезапно осознала, что лишь так он мог разделить с ней ее детство. Мысль эта уколола ее.

Кэролайн, всегда в высшей степени уверенная в себе, вдруг ощутила неожиданное смущение. Эти развешанные на стене рисунки показывали, что отец всегда помнил о ней. Но почему же тогда он отправил ее в колонии? Он наверняка должен был понять, что по прошествии какого-то времени она неизбежно начнет называть своих тетю и дядю мамой и папой. Ведь ей было всего только четыре года, когда она стала их ребенком. И столь же естественно братья Черити стали ее собственными братьями. Он не мог не понимать, что все воспоминания ее детства улетучатся в новой обстановке и в новой семье.

Внезапно острое чувство вины пронзило ее. Он принес себя в жертву. Ведь мама столько раз говорила ей об этом! Она снова и снова объясняла ей, что граф хотел, чтобы у его дочери была нормальная семья, чтобы она в своей новой семье чувствовала себя окруженной любящими родственниками. Почему же он не подумал о том, что, возможно, отцовской любви будет ей вполне достаточно?

Боже, она ведь никогда не отвечала на его любовь! Какого труда ей стоило сесть за письмо, чтобы написать хотя бы несколько ласковых слов! Она была так эгоистична и даже – с раскаянием подумала она – неверна ему! Она ведь задумала вернуться в Бостон, называть там папой совсем другого человека и,

что хуже всего, забыть, не успев узнать, своего настоящего отца.

Лучше бы ей не видеть этих рисунков! На глаза навернулись слезы, и она поспешила выйти из комнаты. Вдруг захотелось снова оказаться в Бостоне, и она тут же испытала стыд от этой предательской мысли. Неужели она не может дать своему настоящему отцу хотя бы толику той любви и преданности, которыми она с такой готовностью наделяла свою бостонскую семью?

Кэролайн поднялась в отведенную ей спальню и вытянулась на покрытой накидкой кровати, намереваясь разобраться в своих чувствах. Рассудок подсказывал ей, что она была всего лишь ребенком, когда ее вырвали из привычной обстановки и отдали в другую семью, а потому такие чувства, как любовь и преданность, в данных обстоятельствах изливались на тех, кто был рядом. И все же сердце ее щемило, не вникая доводам рассудка. Насколько проще было бы, если бы ее отец оказался холодным, безразличным к ней человеком. Всю дорогу от Бостона до Лондона она готовилась к судьбе трагической героини, а теперь обнаружила, что это была чужая роль. Реальность оказалась совершенно другой.

Но как же ей вести себя? Она не могла придумать ответ. В конце концов Кэролайн позволила усталости овладеть собой и погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Ночью ее разбудил скрип открывающейся двери. Мгновенно проснувшись, она притворилась спящей, глядя сквозь приоткрытые ресницы на пожилого мужчину, медлившего на пороге ее комнаты, но потом все же осторожно приблизившегося к ее постели. Она поспешно закрыла глаза, все же успев заметить слезы, катившиеся по лицу мужчины. Он был похож на своего брата из Бостона, только на несколько лет старше, и она поняла, что это ее отец.

Кэролайн почувствовала, как он подтянул сползший плед, заботливо подтыкая его с боков, и сердце у нее дрогнуло от этого простого жеста. Потом теплая рука осторожно погладила ее по голове, и она услышала слова, произнесенные тихим любящим голосом:

– Добро пожаловать домой, дочка.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб – от этой ласки она едва не заплакала, – затем выпрямился и вернулся к двери. За ним тянулся приятный запах некрепкого табака и каких-то трав, и глаза Кэролайн внезапно раскрылись. Она узнала этот запах, вспомнила его. Попыталась вызвать в памяти ту сцену, с которой у нее был связан этот запах, но воспоминания ускользали от нее, как летучие светлячки, за которыми она гонялась в раннем детстве.

Впрочем, сейчас ей было вполне довольно и этого запаха, потому что он принес с собой чувство заботы и любви, и, столь же зыбкий, как ранний утренний туман, он обволакивал ее, наполняя миром и спокойствием.

Кэролайн дождалась того момента, когда рука отца легла на дверную ручку и он осторожно попытался закрыть за собой дверь. Тогда, не в силах сдержать слез, она тихонько прошептала:

– Спокойной ночи, папа.

И тут ей показалось, что она проделывала этот ритуал каждый вечер все эти долгие годы, и хотя это не происходило на самом деле, но все же Кэролайн чувствовала, что должны быть сказаны еще какие-то слова. Мучительно пытаюсь вспомнить, она вдруг с удивлением услышала, как ее губы сами собой произносят:

– Папочка, я люблю тебя.

Ритуал был завершен. Кэролайн закрыла глаза и позволила своим воспоминаниям упорхнуть прочь, как неуловимым светлячкам ее детства.

Наконец-то она обрела дом.

Глава 3

Герцог Бредфорд никак не мог изгнать из памяти случайно встреченную им прекрасную девушку с голубыми глазами. Ее невинная внешность искушала, ее улыбка дразнила, но более всего покорял ее живой и острый ум. Жизнь научила

графа быть недоверчивым и циничным, он давно решил, что даже самая прелестная женщина не может очаровать его. Но каждый раз, когда он вспоминал о том, как юная амазонка бесстрашно бросила ему вызов, пообещав застрелить коня, он невольно улыбался.

Под конец столь насыщенного событиями дня Бредфорд довез Брюммеля до дома, удобно устроил приятеля и поручил его заботливому вниманию преданных слуг. Сам же отправился в свой лондонский дом и принялся размышлять над тем, как разыскать Кэролайн. Единственной ниточкой, которая у него оставалась, были ее слова о том, что она возвращается в Лондон, чтобы повидаться со своим отцом. Судя по некоторым упоминаниям, ее отец принадлежал к сливкам общества, возможно, даже носил высокий титул. Ее малышка сестра говорила что-то о поездке в лондонский дом, чтобы дожидаться там возвращения отца Кэролайн. Из этих слов Бредфорд заключил, что человек этот жил в своем поместье вплоть до начала сезона.

Он был уверен, что еще до наступления вечера у него будут все необходимые сведения. Но к концу четвертого дня уверенность покинула его. Незнакомка как в воду канула, чем бесконечно расстроила Бредфорда.

Он стал нервным и раздражительным. Когда он сразу после приключения вернулся домой, слуги встретили его, удивленно улыбаясь, – уж очень необычным был вид у графа. Но вскоре они решили, что первое впечатление было обманчивым. Хозяин постепенно вернулся в обычное состояние, надев броню резкости и недоступности. Экономка твердила всем и каждому (кто соглашался слушать ее болтовню), что она этому только рада, так как трудно иметь дело с человеком непредсказуемым, а камердинер Бредфорда по имени Гендерсон отчетливо понимал, что с его хозяином что-то произошло, и всерьез встревожился.

Гендерсон почувствовал своего рода облегчение, когда лучший друг графа, Уильям Франклин Саммерс, граф Милфорд, явился с неожиданным визитом. Гендерсон сразу же проводил графа по витой лестнице в библиотеку. Возможно, надеялся Гендерсон, сэру Уильяму удастся вернуть их хозяина в обычное состояние духа.

Гендерсон верно служил старому герцогу – отцу Бредфорда – добрых десять лет, и, когда с ним и его старшим сыном произошло несчастье, он перенес всю свою заботу на нового герцога Бредфорда. Только Гендерсон да еще лучший

друг Бредфорда, Милфорд, помнили герцога до того времени, как его юные плечи приняли груз родового титула.

Поглядывая искоса на Милфорда, Гендерсон подумал о том, что одно время Бредфорд был таким же легкомысленным шалопаем, как и его темноволосый друг, и так же смущал дам из высшего общества. Прослужив более пяти лет своему новому хозяину, Гендерсон потерял все надежды на то, что герцог снова станет тем беззаботным, простодушным юношей, каким он был много лет назад. Слишком много всего произошло за эти годы, слишком много предательств было пережито.

– Неужели Бред поколотил вас, Гендерсон? Вы все время хмуритесь, – спросил граф со своей обычной широкой улыбкой, всем своим видом подтверждая неизменную репутацию шалопаю, каким он, по мнению Гендерсона, несомненно, и был.

– Произошло нечто, повергшее его светлость в уныние, – ответил Гендерсон. – Я, разумеется, не посвящен в дела моего господина, но думаю, что вы сможете заметить перемены в его характере.

Гендерсон не стал распространяться далее, но его замечания было вполне достаточно, чтобы Милфорд задумался.

Посмотрев пристально на своего друга, Милфорд мысленно признал, что Гендерсон прекрасно разбирается в настроениях своего хозяина, правда, слово «уныние», пожалуй, было слишком мягко. На самом деле герцог Бредфорд выглядел так, словно побывал под колесами экипажа.

Бредфорд ссутулился за массивным письменным столом, с сумрачным выражением лица надписывая фамилии адресатов на множестве конвертов, разбросанных там и сям.

На самом столе царил беспорядок, что, впрочем, вполне гармонировало с внешностью Бредфорда. Он был небрит и явно нуждался в свежем галстуке.

– О, Милфорд, я через минуту закончу, – сказал Бредфорд своему другу. – Налей себе выпить.

Милфорд отрицательно покачал головой, опускаясь в уютное кресло, стоявшее перед столом.

– Бред, ты пишешь всем жителям Англии? – спросил он, без всякого стеснения располагая каблуки своих начищенных сапог на крышке стола.

– Вроде того, – пробурчал Бредфорд, не поднимая взора.

– И выглядишь так, словно не спал несколько дней, – заметил Милфорд.

Улыбка не сходила с его лица, но глаза выдавали беспокойство. Бредфорд выглядел отвратительно, и чем больше Милфорд смотрел на своего друга, тем большая тревога охватывала его.

– Я и в самом деле не спал, – наконец произнес Бредфорд.

Он бросил перо и откинулся на мягкую спинку кресла. Ноги его оказались на столе, рядом с сапогами друга. Он протяжно вздохнул.

И тут же, больше не сомневаясь, герцог выложил всю историю своей встречи с удивительной девушкой по имени Кэрлайн, умолчав, как обещал, только обо всем случившемся с Брюммелем. Бредфорд поймал себя на том, что уж слишком увлекся, воспевая ее волосы, глаза и прочие прелести, но в конце концов взял себя в руки и закончил свой рассказ яростным возгласом: все поиски этой красотишки ни к чему не привели.

– Да ты просто ищешь не там, где следует, – высказал свое заключение Милфорд, вдоволь насмеявшись рассказу друга. – А что, она и в самом деле считает, что наш Лондон ничто рядом с ее колониями?

Бредфорд пропустил мимо ушей этот вопрос, будучи озабочен лишь своими проблемами.

– Что значит я ищу ее не там, где следует? Она вернулась к своему отцу. И я иду по этому следу.

Голос Бредфорда звучал хрипловато.

– Большая часть общества еще не съехалась к наступающему сезону, – терпеливо объяснил ему Милфорд. – И по этой простой причине никакие сплетни еще не дошли до тебя. Возьми себя в руки, приятель, она обязательно появится на приеме у Эшфордов. Можешь в этом быть уверен. Все там бывают.

– Но ведь она никуда не приглашена, – немного потише произнес Бредфорд, повторяя слова Кэралайн о ее будущих выходах в свет. – Именно так она и сказала.

– В высшей степени странно. – Милфорд изо всех сил заставил себя не улыбаться.

Он давно не видел своего друга таким взбудораженным, а чувство облегчения от того, что его состояние не было вызвано чем-то серьезным, вернуло Милфорда к обычному легкомыслию. И еще ему захотелось заставить Бредфорда встряхнуться, как это удавалось ему в былые дни, когда они вдвоем разгуливали по Лондону.

– Не так уж и странно, – возразил ему Бредфорд, пожав плечами. – Я ведь тоже не бываю на таких сборищах.

– Ты меня не понял. Я имел в виду, что ты ведешь себя довольно странно, – ответил, усмехнувшись, Милфорд. – Я никогда не видел тебя в таком состоянии. Вот прекрасный случай встряхнуться! Тем более что целью поиска будет женщина, которая приехала – ни много ни мало – из колоний.

Милфорд готов был продолжать еще свой монолог, но смех душил его, и, несмотря на явное неудовольствие своего друга, он не мог сдержаться.

– Похоже, тебя все это только забавляет, не так ли? – бросил ему Бредфорд, когда Милфорд успокоился настолько, что мог воспринимать его слова.

– Не буду отрицать, – искренне признался Милфорд. – Ведь я как раз припомнил некий обет, данный тобой пару лет назад. Что-то вроде того, что все женщины годятся только для одного, а подарить свое сердце кому-то из них было бы верхом глупости.

– А кто говорит, чтобы что-то дарить? – вскричал Бредфорд в ответ. – Я просто заинтригован, вот и все. Ладно, не раздражай меня, Милфорд.

– Успокойся, – ответил граф. – Я просто хочу помочь. – Он заставил себя принять серьезный вид и продолжал: – Тебе надо навести справки у портных. Если она и в самом деле приехала из колоний, то безнадежно отстала от моды. Родственники наверняка не захотят краснеть за нее и поэтому первым делом поведут девушку шить новые туалеты.

– Твоя логика меня изумляет, – хмыкнул Бредфорд. В глазах его загорелся огонек надежды, он просветлел. – Почему же я не подумал об этом?

– Потому что у тебя нет трех сестер, как у меня, – ответил Милфорд.

– Я совсем позабыл про твоих сестер, – сказал Бредфорд. – Я что-то в последнее время нигде их не вижу.

– Они скрываются от тебя, – с улыбкой произнес Милфорд. – Боятся тебя донельзя. – Пожав плечами, он продолжал: – Но могу тебя заверить, что про фасоны и моды говорят все женщины, в том числе и мои сестры. – И затем уже серьезно спросил: – Это просто увлечение или что-нибудь более серьезное? Насколько я помню, Бред, в последние пять лет ты довольствовался дешевыми девицами и не имел дела ни с одной сколько-нибудь приличной дамой. Что-то не похоже на тебя.

Бредфорд ответил не сразу. Видимо, он и сам не мог анализировать свои чувства.

– Думаю, это только временное помешательство, – в конце концов заметил он. – И как только я снова увижу ее, то разочаруюсь и забуду навсегда.

Милфорд кивнул. Он ни на секунду не поверил своему другу, но не посмел противоречить. Оставив своего друга за письменным столом, он легко сбежал вниз по лестнице и даже от избытка чувств хлопнул Гендерсона по плечу, выходя из дома.

Графу Милфорду внезапно страшно захотелось познакомиться с этой красоткой из колоний, которой удалось то, в чем не преуспела за последние пять лет ни одна английская дама. Сама не зная того, женщина по имени Кэролайн вернула к жизни герцога Бредфорда.

И Милфорд уже любил ее за это.

* * *

Наступило утро, принесшее с собой новые думы и новые планы. Кэролайн Ричмонд, всегда встающая с первыми лучами солнца, как бы поздно она ни легла спать накануне, поднялась с постели и радостно потянулась, приветствуя солнце, затем быстро оделась в простое фиолетовое платье для прогулок и, собрав в пучок свои пышные волосы, завязала их на затылке белой ленточкой.

Черити все еще спала, а Бенджамин, судя по приглушенным звукам, доносящимся сверху, уже приступил к дневным трудам. Кэролайн спустилась вниз, собираясь подождать отца в столовой. Но оказалось, что он уже сидит во главе длинного полированного стола. В одной руке он держал чашку с чаем, а в другой – какую-то бумагу. Он не заметил появившейся в дверном проеме Кэролайн, а она не стала отвлекать его. Вместо этого она воспользовалась случаем, чтобы хорошенько рассмотреть своего отца.

Лицо его было румяным и полным, с такими же высокими скулами, как и у нее самой. Он очень напоминал своего младшего брата Генри, который стал ее вторым отцом, подумала Кэролайн и вдруг поняла, что должна считать себя счастливой. Дядя Генри вырастил ее, и она всей душой любила его. Такую же любовь она питала и к человеку, который дал ей жизнь, и это не было изменой дяде Генри, в конце концов, по всем Божеским и человеческим законам она была обязана любить своего отца.

Граф наконец почувствовал, что кто-то пристально смотрит на него, и оторвал взгляд от бумаги. В этот момент он как раз подносил чашку ко рту, но так и застыл, не донеся ее до губ. В его светло-карих глазах отразилось изумление. Они засияли, и Кэролайн улыбнулась, надеясь, что эта улыбка выразит всю радость, которую она сейчас испытывала, и скроет неловкость первой встречи.

– Доброе утро, отец. Ты хорошо выспался? – Голос ее дрогнул. Она ужасно волновалась, ожидая ответа.

Чашка выпала из рук отца и громко стукнулась о крышку стола. Чай выплеснулся на скатерть, но отец, похоже, ничего не заметил. Он привстал из-за стола, но передумал и снова опустился в кресло. На глаза его навернулись слезы, и он вытер их уголком белой льняной салфетки.

Очевидно, он был так же взволнован и не уверен в себе, как и она сама. Когда Кэролайн поняла это, ей стало легче. Движения его были скованными и неловкими, и Кэролайн подумала, что он просто не знает, с чего начать. Она проследила за медленным полетом листка бумаги, оброненного отцом, и решительно направилась к нему, продолжая улыбаться.

Приблизившись, она быстро, чтобы не передумать, поцеловала его в румяную щеку.

Ласковое прикосновение вернуло старому джентльмену дар речи. Он вскочил, отшвырнув ногой кресло, и, выпрямившись, схватил Кэролайн за плечи, притянул к себе и заключил в объятия.

– Ты не разочарован? – прошептала Кэролайн, уткнувшись к нему в грудь. – Я выгляжу так, как ты меня и представлял?

– Да как я могу быть разочарован! Что за мысли у тебя в голове? К тому же ты вылитая мать, упокой Господи ее душу. Я просто потрясен и горжусь тобой.

– Я и вправду похожа на нее, отец? – спросила Кэролайн, когда он наконец разжал объятия.

– Невероятно похожа. Дай еще разок взглянуть на тебя.

Подчиняясь его желанию, Кэролайн отступила на пару шагов и грациозно закружилась, будто в счастливом танце.

– Да ты и впрямь красавица, – ласково кивнул отец, но тут тень набежала на его лицо. – Садись, – произнес он. – Ты не должна делать что-то через силу, потакая

моим прихотям. Я не хочу, чтобы ты угождала мне.

Скорее чувство вины, а не его слова, заставило Кэролайн опуститься в пододвинутое отцом кресло.

– Отец, мне надо тебе кое-что сказать. Поверь, мне трудно... но мы с самого начала должны быть откровенны друг с другом. Я увидела свои детские рисунки в твоей комнате, и вот...

Под его испытующим взглядом она вся как-то поникла и тяжело вздохнула, так и не окончив фразы.

– Ты хочешь признаться мне в том, что здоровья тебе не занимать? – с усмешкой в глазах произнес отец.

Кэролайн изумленно раскрыла глаза. Неужели отец знал?..

– Да, – созналась она. – Я не болела ни одного дня в своей жизни. Прости меня, отец.

Он весело рассмеялся.

– Ты просишь прощения за то, что ни разу в жизни не болела, или за то, что ты и тетя Мэри пытались провести меня?

– Мне так стыдно. – Раскаяние ее было вполне искренним, но легче от этого не стало. – Это оттого, что я была так...

– Счастлива? – помог ей отец, понимающе кивнув. Он придвинул кресло и снова уселся в него.

– Да, счастлива. Я так давно жила в семье твоего брата и привыкла считать тетю Мэри своей матерью и называла ее мамой. Мои кузены стали мне родными братьями, а Черити – родной сестрой. Хотя я никогда не забывала тебя, отец, – поспешила добавить Кэролайн. – Я позабыла твое лицо, но я всегда знала, кто мой настоящий отец. Я, правда, не думала, что ты пойдешь за мной. Мне казалось, что ты вполне был доволен...

– Кэрролайн, я тебя понял. – Отец ласково потрепал ее по руке и продолжал: – Я очень долго ждал, прежде чем просить тебя вернуться. Но у меня были для этого причины, поверь. Не время сейчас о них распространяться. Теперь ты дома, и этим все сказано.

– Как ты думаешь, мы поладим?

На лице отца появилось удивленное выражение.

– Думаю, что да, – сказал он. – Ты расскажешь мне все о моем брате и его семье. Как я понял, Черити сейчас тоже здесь. Скажи мне, она и в самом деле такая толстушка, как это постоянно описывала в своих письмах Мэри?

При этих словах Кэрролайн только улыбнулась.

– Нет, теперь уже нет, скорее, наоборот. Просто на смену ее аппетиту пришла болтовня. Она очень стройная и очень привлекательная. Я не сомневаюсь, что общество будет от нее в восторге, потому что она хорошенькая маленькая блондинка; как нам рассказывали, это совершенно необходимо для успеха в свете.

– Боюсь, я не очень-то в курсе последних фасонов и требований света, – признался отец. Улыбка его пропала, на лицо набежала тень. – Ты сказала, что мы должны быть откровенны друг с другом, дочь. Я совершенно с этим согласен. Должен признаться, что и я кое-что присочинил в своих письмах к тебе.

Глаза Кэрролайн от удивления расширились.

– Ты тоже?..

– Да, но теперь я говорю тебе только правду. С тех пор как ты уехала к моему брату и его семье в Бостон, я не был ни на одном из этих балов. Боюсь, что в свете меня считают затворником.

– В самом деле?

И когда отец кивнул, Кэролайн спросила:

- Но, отец, ведь ты же описывал мне все балы, театры, сплетни! И так правдоподобно!

- Это все мой друг Ладмэн, - с застенчивой улыбкой ответил отец. - Он обожает всюду бывать и держит меня в курсе. Все здешние байки - от него.

- Но почему? - немного подумав, спросила Кэролайн. - Ты не любишь бывать в обществе?

- Причин много, и я не хотел бы сейчас говорить о них, - сдержанно произнес отец. - Например, брат твоей матери, маркиз Эйсмонт, и я не разговариваем вот уже четырнадцать лет. Поскольку он бывает на некоторых празднествах, я предпочитаю там не появляться. Это только одна из причин, но вполне, я думаю, достаточная.

Но Кэролайн была уже так заинтригована, что не могла оставить эту тему.

- Четырнадцать лет? Но ведь все это время я была... жила в Бостоне.

- Совершенно точно, - кивнул отец. - Маркиз был в ярости, что я отправил тебя к брату Генри, и при всех заявил, что не скажет со мной ни единого слова, пока ты не вернешься в Англию. - Кашлянув, отец добавил: - Он не понял, почему я отослал тебя, а я не стал ему объяснять.

- Понятно, - только и произнесла Кэролайн.

Чем больше она думала над словами отца, тем больше вопросов у нее возникало.

- Отец, еще один вопрос, и потом поговорим о чем-нибудь другом.

- Да? - произнес с улыбкой ее отец, тем самым значительно осложнив ее задачу.

- Почему ты отправил меня? Мама, то есть тетя Мэри, объяснила мне, что ты был в отчаянии после смерти моей настоящей мамы и не мог уделять мне внимания. Она говорила мне, что ты думал только о моем благополучии и решил, что мне

будет лучше жить в семье. Правда ли это? А если правда, – продолжала Кэролайн, не давая отцу ответить, – то почему я оставалась у них так долго?

Она не позволила своему голосу дрогнуть и выдать свои истинные мысли. Все обстоятельства указывали на то, что она была просто не нужна своему отцу. В чем же была настоящая причина? Использовали ли ее в качестве некоего оружия в ходе войны между семьями? Может быть, ее отправили из Англии, чтобы таким образом наказать маркиза? Или ее отец просто недостаточно сильно любил ее? Объяснение тети Мэри было чересчур простым. Теперь, когда Кэролайн стала взрослой, оно ее уже не удовлетворяло. Ее рисунки на стенах библиотеки противоречили всем известным фактам и всем предположениям. Почему отец хранил их?

– Ты должна быть терпеливой, Кэролайн, – быстро произнес ее отец тоном, исключая дальнейшие расспросы. – Я сделал то, что считал в то время лучшим выходом, и я обещаю тебе, что когда-нибудь расскажу тебе все без утайки.

Кашлянув, он сменил тему разговора.

– Но ведь ты, наверное, страшно проголодалась! Мария! – крикнул он, пытаясь вытереть салфеткой разлитый чай. – Принесите еще чаю!

– Я вовсе не голодна, – сказала Кэролайн. – На меня столько всего сразу свалилось, что аппетит совершенно пропал.

– Пожалуй, это и к лучшему, – ответил на это отец. – Мария – моя новая кухарка, и ее стряпня оставляет желать лучшего. Она уже третья за этот год. Домашнее хозяйство дается мне с трудом.

Кэролайн улыбнулась, думая, какое бесчисленное множество вопросов она хотела бы задать. Но отец полностью завладел разговором, и ей не удалось во время завтрака вставить ни словечка, она только утвердительно кивала головой или отрицательно покачивала ею.

Они позавтракали, причем Кэролайн едва прикасалась к еде. Блюда и в самом деле не выдерживали никакой критики. Гренки были жесткими настолько, что можно было сломать зубы, рыба пережарена, джем старей-престарей.

Направляясь вслед за отцом после завтрака в библиотеку, она решила попросить Бенджамина взять кухню под свою опеку. Он любил готовить и в Бостоне частенько помогал кухарке.

В библиотеке отец снова заговорил. Он остановился перед ее рисунками, гордо улыбаясь, и показал Кэролайн, что на обороте каждого из них он проставил дату получения. Таким образом, объяснил он, можно было следить за ее успехами.

– Я только перерисовывала с других картинок, – со смехом произнесла Кэролайн. – Как видишь, отец, талантом здесь и не пахнет.

– Это совершенно не важно. Генри писал мне, что ты очень способна к языкам.

– Вот это правда, – призналась Кэролайн, – но я ничего не могу поделать со своим акцентом. – И, улыбнувшись, прибавила: – Мне говорили еще, что пою я не так уж плохо, а также прилично играю на спинете. Разумеется, хвалили меня родственники, а они люди с предвзятым мнением.

Ее отец усмехнулся.

– Да, зазнайство тебе явно не грозит. Но не следует и преуменьшать свои таланты. – Он опустил в одно из кресел и жестом предложил Кэролайн занять другое. – Скажи мне, почему Генри позволил Черити поехать с тобой? Понимаешь, я доволен этим, но еще и удивлен.

Кэролайн ответила, подробно рассказав о романе Черити с Полом Бличли и о его внезапном исчезновении. Она закончила свой рассказ вопросом: не слышал ли отец что-нибудь об этом человеке?

– Никогда не слышал, – ответил отец. – Но как ты понимаешь, это неудивительно при моем-то образе жизни.

– Отец, твой слуга, Дейтон, сказал мне, что ты возвращаешься к началу сезона в свете. Ты собираешься в этом году выезжать?

– Нет, – ответил отец. – Я всегда возвращаюсь в Лондон в это время года. Мой дом в поместье стоит на юру, там невозможно жить зимой. А этот упрямец

Дейтон всегда настаивает на том, чтобы привести городской дом в порядок перед моим возвращением. Хотя в этом году я даже рад, что все так получилось и мы встретились здесь с тобой. – Он усмехнулся какой-то неожиданной мысли. – Ты вызовешь бурю страстей, Кэролайн.

– Из-за маркиза? – спросила Кэролайн.

– Нет. Потому что ты такая, какая есть, – ответил отец. – Маркиз, разумеется, тоже будет рад, что его племянница вернулась в Лондон, но я больше думаю о всех здешних вертопрахах, как они перенесут встречу с тобой. Вот уж будет интересное зрелище. Твоя мать была бы горда тобой.

– Как ты познакомился с ней, отец? Я совершенно не помню ее. Тетя Мэри рассказывала, что она была очень добрая женщина.

Граф Брэкстон задумался и тихо улыбнулся нахлынувшим на него воспоминаниям.

– Да, она была добрая и любящая женщина, Кэролайн. – Держа дочь за руку, он вспомнил, как рука ее матери покоилась в его горячей руке... – Она была так рада тебе, Кэролайн. Я ожидал мальчика и даже не задумывался над именем будущей дочери. А когда родилась ты, твоя мать смеялась до слез. Да, она была очень рада тебе.

– А ты был разочарован? – спросила, улыбаясь, Кэролайн.

Она понимала, что отец полюбил ее, как только увидел, но хотела услышать это от него. Ей показалось, что она снова стала маленькой девочкой, которой рассказывают на ночь сказки, но правдивые сказки о собственном детстве грели ей душу.

– Я был в таком же восторге, как и твоя мать, – ответил отец. Он снова погладил ее по руке, а потом полез в карман за носовым платком. Смахнув с глаз навернувшиеся слезы, откашлялся и сдавленно произнес: – А теперь вот что. Мы должны сделать все возможное, чтобы у тебя и Черити как можно скорее появились новые платья. Всего через две недели состоится ежегодный бал у герцога и герцогини Эшфорд, и мы там будем. Старый негодник каждый год посылает мне приглашение. Он лишится дара речи, когда я наконец-то приду.

И он улыбнулся, представив себе выражение лица герцога Эшфорда, когда граф Брэкстон в сопровождении своей прелестной дочери появится у входа в особняк.

Кэролайн, глядя, как оживился ее отец, расписывая череду приемов, на которых он планировал побывать, сопровождая двух юных дебютанток, сама развеселилась от души. Глаза старого джентльмена светились озорством, в этот момент он напомнил ей двоюродного брата Люка. Тот тоже не мог сдержаться всякий раз, когда выдавался случай дать фору завсегдатаям светских сезонов. Ей захотелось предостеречь отца от слишком радужных ожиданий, но это было бы непростительной жестокостью. Слушая отца, она дала себе обещание сделать все возможное, чтобы не подвести его. Может быть, с Божьей помощью ей удастся оказаться на высоте, впереди еще две недели – не такой, правда, большой срок для приобретения светского лоска, и все же... Судьба бросала ей вызов, и Кэролайн решила с достоинством принять его.

Остаток утра она просидела с отцом, слушая его рассказы о годах, прожитых в одиночестве. Она обратила внимание, что отец куда больше говорил о проблемах и тревогах своей страны, чем о себе самом. Поняв, что ее отец, в сущности, был очень одинок, она преисполнилась сочувствия к нему. Кэролайн твердила себе, что он сам выбрал печальную долю, отослав дочь на долгих четырнадцать лет, но чувствовала, что не может винить его за это.

Решение отца отправить ее из дому было вызвано серьезными причинами, она была в этом совершенно уверена. В свое время, когда удастся завоевать доверие отца, она узнает всю правду.

Кэролайн поняла, насколько опрометчивым было ее обещание вернуться в Бостон. Теперь ей стало ясно, что она не сможет сдержать его. Это были слова ребенка, сказанные в запальчивости и смятении. Теперь же она смотрела правде в глаза. Ее место в жизни рядом с отцом. Она никогда не сможет вернуться в Бостон. Будущее ее связано с Англией.

Только невероятное чувство юмора спасло Кэролайн от отчаяния да еще неумемная восторженность Черити в предвкушении грядущих событий. Сестра любила быть в центре внимания и быстро подружилась с мадам Ньюкотт, портнихой, великолепно разбиравшейся в моде, материях и фигурах заказчиц. Черити искренне наслаждалась каждой минутой во время примерок, которые Кэролайн считала тяжелейшей обузой, хотя и не произносила этого вслух.

Граф Брэкстон не ограничился одним-двумя бальными платьями, а настоял, чтобы обе его подопечные были обеспечены всеми необходимыми туалетами.

Мадам Ньюкотт предложила розовые и палевые ткани для Черити, рассыпаясь в комплиментах своей миниатюрной заказчице. Она же посоветовала отказаться от оборок, которые, по ее словам, лишь сделали бы платье излишне пышным и отвлекли внимание от чудесной фигуры Черити.

На Кэролайн обрушились волны голубых, светло-зеленых и палевых материй, но в конце концов выбор мадам пал на платье цвета слоновой кости, которое было, по понятиям Кэролайн, чересчур коротко, чересчур открыто и чересчур тесно для нее. Портниха бурно восторгалась ее волосами и цветом лица, но в новом платье Кэролайн чувствовала себя распутницей и так прямо и сказала об этом Черити.

– Мама обязательно закрыла бы твои плечи и грудь шарфом, – ответила, хихикая, та. – А папа не выпустил бы тебя из дому. Дяде бы пришлось тростью отгонять от тебя поклонников, если бы ты появилась в таком туалете в обществе.

– Клянусь, это платье ужасно смущает меня, – взмолилась Кэролайн.

Мадам Ньюкотт, стоя на коленях перед Кэролайн и торопливо завершая последние стежки, пропустила это неуместное замечание мимо ушей.

– А когда возвращается твой отец? – спросила Черити, меняя тему разговора.

– Завтра, – ответила Кэролайн. – Маркиз живет довольно далеко от Лондона, и отец собирается там переночевать и вернуться завтра.

– Маркиз – старший брат твоей матери или младший? – спросила Черити.

– Он старше ее. У меня есть еще один дядя, Франклин, вот он на два года моложе моей матери... Ты не запуталась?

– Чуть-чуть, – с улыбкой ответила Черити. – Но почему твой папа просто не послал маркизу письмо с известием, что ты вернулась в Англию? Тогда он мог бы приехать в Лондон. А так это кажется мне чересчур сложным.

– Отец хотел лично поговорить с ним. Спокойно все объяснить, – ответила, нахмурившись, Кэролайн. – Ты знаешь, я понятия не имела о том, что у меня есть двое дядюшек, пока отец не рассказал. Довольно странно, что он теперь должен демонстрировать им такое почтение, не правда ли?

Черити на мгновение задумалась, но потом лишь пожала плечами, отмечая эту тему.

– Ах, если бы у меня была фигура, хоть немного похожая на твою, – плачущим тоном пожаловалась она, осторожно снимая воздушное розовое платье и стараясь не уколоться о многочисленные булавки.

– Куда лучше иметь меньше, чем слишком много, – ответила на это Кэролайн. – И у тебя прекрасная фигура.

– Мадам Ньюкотт! – обратилась Черити к портнихе как к третьей стороне. – Кэролайн считает, что для настоящей красавицы у нее слишком длинные ноги и слишком полная грудь.

– Я никогда так не говорила, – возразила Кэролайн. – Но подумай сама: длинные ноги очень удобны для верховой езды, но нет никакого смысла в...

Не закончив фразы, она коснулась рукой своей высокой груди.

Черити прыснула:

– Каймен оторвал бы нам уши, если бы услышал наши разговоры.

– Это уж точно, – ответила Кэролайн. Взглянув в зеркало, она сказала: – Мои волосы никак не желают укладываться в прическу. Ты не думаешь, что мне следует их укоротить?

– Нет!

– Ладно, – покорно согласилась Кэролайн. – Тогда буду ходить, как дикарка.

– Я бы их только слегка подровняла, и ко времени нашего возвращения в Бостон они бы снова отросли.

Кэролайн понимала, что она должна рассказать Черити о своем решении. Улыбка сбежала с ее лица, когда она, покачав головой, тихо сказала:

– Я не уверена, что вернусь в Бостон, Черити.

Черити открыла было рот, чтобы возразить, но Кэролайн кивком головы остановила ее. Не стоило обсуждать это в присутствии мадам Ньюкотт, и, к счастью, Черити это поняла.

Но, как только портниха, собрав многочисленные принадлежности, удалилась, Черити вновь вернулась к прерванному разговору.

– Надеюсь, ты не будешь принимать решения столь поспешно, Кэролайн. Мы тут всего две недели. Дай себе больше времени, чтобы осмотреться, а потом уж и решай, что делать. Боже мой, да с нашими братьями случится сердечный приступ, если ты не вернешься домой.

– Обещаю тебе, что не буду решать поспешно, – ответила Кэролайн. – Но я не могу покинуть отца, Черити. Я просто не могу этого сделать. – Она тяжело вздохнула и прошептала: – Я приехала домой. Я чувствую, что здесь мой дом. И он будет моим, пока жив отец.

– Ты говоришь, что не можешь покинуть своего отца, хотя он поступил с тобой подобным образом, – возразила Черити. Лицо ее покраснелось, и Кэролайн поняла, что она вне себя от гнева. – Он четырнадцать лет не думал о тебе! И ты можешь просто взять и все забыть.

– Я никогда про это не забывала, – ответила Кэролайн. – Но у него были на то причины. И когда-нибудь он мне о них расскажет.

– Я не буду спорить с тобой, сестричка, – заявила Черити. – Всего через пару дней мы вместе с тобой отправимся на наш первый бал. Твой отец в восторге от нас, и я не хочу лишать его радости. Обещай мне только, что ты отложишь окончательное решение. Я не стану возвращаться к этому разговору... две недели... Кэролайн, ведь тебе даже не нравятся англичане!

– Не так уж много я их видела, – ответила Кэролайн.

При этих словах ей внезапно пришел на память тот раненый джентльмен, которому она оказала помощь, и их забавный разговор. Потом мысли ее перенеслись к таинственному незнакомцу по имени Бредфорд, и она снова почувствовала странную дрожь. Кэролайн уже не раз ловила себя на том, что думает об этом человеке куда больше, чем он того заслуживает. Новизна ощущений пугала ее, и, признавшись себе в этом, она решила, что излишне драматизирует происшедшее. Ведь он в конце концов был всего только мужчиной.

* * *

Наконец наступил вечер их первого бала. Сборище у Эшфордов, как именовал его отец, знаменовало собой начало светского сезона, и все мало-мальски значительные люди считали своим долгом присутствовать на нем.

Кэролайн на удивление долго собиралась на бал. Отвергнув все посягательства служанки уложить ей прическу с помощью заколок и ленточек, Кэролайн в конце концов просто расчесала волосы и позволила им свободной волной рассыпаться по плечам.

Ее открытое платье скорее демонстрировало, чем скрывало полную грудь. Подобранные в тон платью туфли и белые перчатки довершали туалет. Посмотрев в высокое зеркало, стоявшее у нее в спальне, Кэролайн решила, что выглядит вполне приемлемо.

Мэри Маргарет, веснушчатая служанка, которую Дейтон приставил к Кэролайн, не переставала твердить, сколь очаровательна ее новая хозяйка.

– У вас глаза стали цвета вашего платья, – благоговейно прошептала она. – Это просто чудо. Ох, если бы я только могла превратиться в мышку и незаметно прокрасться на бал! Вы вызовете там ужасный переполох.

Кэролайн рассмеялась.

– Это ты вызовешь переполох, если превратишься в мышку, – поддразнила она служанку. – Но если ты дождешься меня, то обещаю рассказать обо всем, что там было.

Мэри так восторженно смотрела на Кэролайн, будто готова была броситься перед хозяйкой на колени. От такого чрезмерного обожания Кэролайн даже смутилась.

– Я очень волнуюсь, Мэри Маргарет. Ведь сегодня мой первый бал.

– Но вы же леди Кэролайн! – протестующе воскликнула та. – И ваш титул принадлежит вам по праву. А кроме того, вы так прекрасны, – вздохнув, добавила она.

– Я самая обычная девушка с фермы, – возразила ей Кэролайн.

Служанка уже открыла было рот, чтобы запротестовать, но Кэролайн поспешила поблагодарить ее за помощь и отправилась искать своего отца и Черити.

Те уже ждали ее у лестницы. Черити выглядела очаровательно. Волосы ее были завиты и собраны в пучок, обвитый розовой лентой. Ее платье тоже было розовым; кружева, которыми было отделано декольте, слегка прикрывали плечи. Румянец на щеках Черити соперничал с цветом платья. Кэролайн не сомневалась, что все общество будет в восторге от ее сестры.

Граф Брэкстон, не отрываясь, смотрел на дочь, величественно спускающуюся по лестнице. Лицо его сияло улыбкой, а в глазах стояли слезы гордости и умиления. Подождав, пока он достанет из нагрудного кармана носовой платок и промокнет

глаза, она спросила его, долго ли ему пришлось ждать.

- Четырнадцать лет, - ответил он, не в силах сдержаться.

Кэролайн улыбнулась столь непосредственному ответу.

- Ты выглядишь прекрасно, - заявил он. - Мне придется просто отгонять от тебя молодых людей.

Когда они, устроившись в карете, тронулись в путь, Черити спросила графа:

- Там будет кто-нибудь, кого вы видите чаще других?

- Прошу прощения? - не понял ее отец Кэролайн.

- Черити хочет знать, будет ли на балу какая-нибудь близкая вам дама, - перевела ее слова Кэролайн. Она так и не рассказала сестре, что все эти годы ее отец прожил затворником.

- Ах это! Нет, что вы, - ответил он. - Когда-то, много лет назад, я ухаживал за леди Тиллман.

- Возможно, сегодня вы с ней и встретитесь, - предположила Кэролайн.

- Ее муж умер вскоре после того, как я женился на твоей матери, - ответил граф. - У нее есть дочь. Интересно, в кого леди Тиллман превратилась?

- Но, дядя, вам должно было быть так одиноко. Я даже не могу представить себе такой жизни, - нахмурившись, заметила Черити.

- Это потому, что ты всегда была окружена братьями, - ответил он.

- И Кэролайн, - вставила Черити. - Сколько я себя помню, я всегда считала ее моей сестрой.

Все трое замолчали и ехали в тишине, пока карета не остановилась у подъезда особняка, сложенного из крупных каменных блоков. Роскошное здание выглядело как дворец, и Кэролайн почувствовала, как у нее от волнения похолодело под ложечкой.

– А сегодня теплый вечер, – заметил ее отец, помогая своим дамам выбраться из кареты.

Он занял место между девушками, поддерживая Кэролайн за локоть левой рукой, а Черити – правой.

Черити споткнулась на одной из ступеней, и Кэролайн пришлось посоветовать ей надеть очки.

– Сниму их, как только войду внутрь, – заявила Черити. – Я знаю, что это пустяки, но в очках выгляжу просто ужасно!

– Чепуха, – настаивал ее дядя. – Очки придают тебе эдакий величественный вид. Ты в них выглядишь чертовски привлекательно.

Черити не верила ему. И как только они оказались в прихожей, ярко освещенной сотнями свечей, девушка тут же сорвала очки и сунула их в карман дядиного сюртука.

– О, я еще не сказала вам, как чудесно выглядите вы, дядя, – сказала она.

Отец Кэролайн улыбнулся и ответил комплиментом, но Кэролайн едва услышала его. Она изо всех сил пыталась сохранить присутствие духа среди такого великолепия и роскоши.

Граф Брэкстон торжественно представил дочь и племянницу хозяину дома, встречавшему гостей наверху лестницы. Немолодой герцог Эшфорд, седые волосы которого отливали слоновой костью, говорил таким тонким голосом, что создавалось впечатление, будто ему кто-то прищепил пальцами нос. Кэролайн показалось, что он чрезвычайно высокого о себе мнения, но тем не менее испытала к нему симпатию, потому что он подчеркнуто любезно заключил в объятия ее отца.

Герцог, похоже, не мог оторвать от нее взгляда и даже приложил к глазам лорнет. Кэролайн тут же почувствовала себя довольно неловко, словно у нее был испачкан нос или оторвана оборка. Она обратила внимание на то, что герцог смотрел на Черити совсем по-другому. К счастью, отец вовремя взял ее под руку и направился по ступеням лестницы, ведущей на галерею над бальным залом.

Для Черити все окружающее слилось в восхитительный фейерверк. Она целиком отдалась нахлынувшему чувству восторга. Сегодня вечером ей предстояло стать частью этого чудесного общества. Безусловно, кто-то из этих людей знает Пола Бличли. Сегодня она сможет что-то узнать о нем.

Граф Брэкстон стоял на пороге бального зала, сопровождаемый дочерью и племянницей. Высокие ступени перед ними спускались собственно в залу, и вся троица была отлично видна гостям.

Отец и дочь не касались друг друга, но растерявшаяся Черити судорожно схватилась за руку дяди. Глаза ее сияли восторгом, щеки покраснелись.

Кэролайн, напротив, полностью владела собой. Она стояла, горделиво выпрямившись, ростом и достоинством похожая на своего отца, спокойно глядя на рассматривающих ее людей.

Граф не двигался с места до тех пор, пока не убедился в том, что взоры всех присутствующих обращены на его красавицу дочь и на племянницу. Это был его триумф! По залу пробежал шумок, а Черити стала уже волноваться из-за этого затянувшегося ожидания.

Оркестр заиграл новую мелодию, и несколько храбрецов направились к ним.

– А вот и они, – с мягкой усмешкой прошептал отец Кэролайн.

«Так это и есть приключение?» – подумала Кэролайн, раскланиваясь с представляемыми ей смельчаками. Она стояла рядом с отцом, вполне владея собой и любезно улыбаясь, но в душе замирая от страха. Она не могла не восхищаться тем, как Черити весело болтает со всеми этими молодыми людьми. Кузина чувствовала себя как рыба в воде, и Кэролайн лишь дивилась, куда исчезла ее собственная уверенность. Она ощущала неловкость и смущение.

Танцевальная карточка Черити была уже заполнена, кто-то вел ее в круг танцующих, а граф Брэкстон отказывал всем претендующим на танец с Кэролайн, говоря, что она сначала должна быть представлена его друзьям.

Взгляд отца был направлен куда-то в дальний угол зала, и Кэролайн проводила его глазами.

Пожилой мужчина отделился от группы людей и медленно направился к ним, держась поближе к стене, чтобы не мешать танцующим. Он немного сутулился, лысая голова поблескивала в свете свечей; шагая, он тяжело опирался на трость.

– Кто это, отец? – спросила Кэролайн.

– Маркиз Эйсмонт, – ответил ее отец. – Старший брат твоей матери.

– Тот самый человек, на встречу с которым ты ездил? – спросила Кэролайн.

– Да, Кэролайн. Я должен был с ним объясниться, – произнес граф. Он улыбнулся, потрепал Кэролайн по руке и добавил: – Теперь он не отринет тебя. Я это знаю наверняка.

Это замечание страшно удивило Кэролайн. Чему радовался ее отец? И почему ее дядя мог отвергнуть ее? Она понимала, что сейчас не время спрашивать, но решила обязательно поговорить с отцом, когда они вернутся домой.

Она перевела взгляд на маркиза, подумав о том, что он выглядит очень болезненным.

– Мне кажется, я должна пойти ему навстречу, – сказала отцу Кэролайн.

Кэролайн не стала дожидаться ответа, а смело направилась к человеку, который не разговаривал с ее отцом четырнадцать лет. Маркиз улыбался ей, и она поняла, что старой вражде положен конец.

Без малейшего колебания Кэролайн одарила маркиза своей самой сердечной улыбкой и поцеловала в щеку.

Дядя попытался взять обе ее руки в свои, но с трудом удержался на ногах с помощью трости.

Они молча вглядывались друг в друга, не произнося ни слова. Кэролайн не представляла, о чем можно говорить.

В конце концов маркиз первым нарушил молчание.

– Я почел бы за честь, если бы вы называли меня дядей, – сказал он. Его хрипловатый голос дрожал от сдерживаемого волнения. – У меня есть только младший брат, Франклин, и его жена, Лоретта. После смерти твоей матери только они и составляют мою семью.

– Нет, – негромко ответила Кэролайн. – У вас еще есть мой отец и я.

Лицо маркиза просветлело. Кэролайн услышала, как подошедший сзади отец откашлялся.

Маркиз с явным неудовольствием взглянул на графа Брэкстона.

– Ты не сказал мне, что она вылитая копия своей матери. Я едва не упал, когда увидел ее.

– Я говорил тебе, – ответил на это граф. – Ты просто забыл.

– Ну да! Моя память не подводит меня, Брэкс!

Отец Кэролайн улыбнулся.

– А Франклин и Лоретта будут здесь сегодня вечером? Я давненько их не видел и хотел бы, чтобы Кэролайн познакомилась также с другим своим дядей.

Маркиз нахмурился.

– Они уже где-то здесь, – ответил он, пожав плечами. Затем повернулся к Кэролайн и добавил: – Но ведь у нее мои глаза, Брэкс! Да, сэр, она, безусловно,

представляет мою линию в семье.

Кэролайн была вынуждена признать, что ее глаза и в самом деле похожи на дядины, но никак не могла понять, для чего дядя явно поддразнивает ее отца. Глаза маркиза лучились озорством. Отец возмутился:

– Зато у нее явно мои волосы, и это ты не сможешь отрицать, Эйсмонт!

Кэролайн расхохоталась. Она не могла поверить, что родственники всерьез оспаривают ее друг у друга.

– Любому ясно, что я прихожусь родней вам обоим, – сказала она и, чтобы не обижать никого, взяла одной рукой руку дяди, а другой – руку отца. – Может быть, нам стоит найти какой-нибудь укромный уголок, сесть там и поболтать? Хотя вы встречались совсем недавно, вам, наверное, есть о чем поговорить друг с другом.

Все трое направились к расположенной неподалеку от них нише в стене, в которой стоял диванчик. Тут к ним присоединилась Черити, и разговор сразу же перешел к обсуждению бала и претендентов на следующий танец.

– А можно и мне называть вас тоже дядей? – спросила Черити маркиза. – Мне бы очень этого хотелось, если вы позволите. Ведь мы с вами тоже родственники, хотя и более дальние, не так ли?

Просьба Черити пришлась маркизу по душе, и он кивнул в знак согласия.

– Да, мы породнились через брак наших близких. И мне было бы приятно, если бы вы называли меня дядей. Когда Кэролайн была совсем маленькой девочкой, она называла меня дядя Мило.

– Интересно, Эйсмонт, из-за чего там суматоха? – внезапно спросил Брэкстон.

Он стоял рядом с диванчиком, на который присел маркиз, ближе к окну. Кэролайн стояла по другую сторону. Маркиз по-прежнему держал Кэролайн за руку, как будто боялся, что она вдруг исчезнет.

Отец устремил свой взгляд ко входу в бальный зал. Повернувшись, Кэролайн проследила за ним, и ее глаза расширились от удивления, когда она увидела нового гостя, чей приход вызвал всеобщее оживление. Это был тот самый джентльмен, которого она спасла от разбойников в день их прибытия в Англию, таинственный «мистер Смит»!

Она стояла и смотрела на него, слегка улыбаясь, и думала о том, как он похож на прихорашивающегося павлина. Судя по тому, что его появление привлекло внимание всех гостей, он был известным денди. Его темный костюм мало чем отличался от одежды других мужчин, но шейный платок изумлял своими размерами: он доходил ему едва ли не до ушей. Кэролайн даже усомнилась, может ли он повернуть голову.

– Итак, Брюммель наконец-то появился, – удовлетворенно заметил ее дядя. – Таким образом, бал герцога удостоен высочайшего признания.

– Брюммель? – У Кэролайн подкосились ноги. – Вы сказали, это Брюммель? – переспросила она, с трудом осознавая истину.

«Ну и дела», – подумала Кэролайн, вспоминая, что она наговорила о Брюммеле «мистеру Смигу». Она отчаянно пыталась припомнить все детали их разговора, надеясь, что не сказала ничего особенно неприятного. Боже, но ведь она, кажется, назвала его Пламмером?

Брюммель стоял в одиночестве, неторопливо оглядываясь по сторонам. С лица его не сходило выражение скуки, даже когда он кланялся кому-то из знакомых в зале. Брюммель спустился по ступеням в бальный зал и неспешно прошел сквозь толпу гостей. Он шел с весьма важным видом, и по тому, как расступались перед ним гости, Кэролайн поняла, что этот человек и в самом деле имеет вес в свете. Он совсем не прихрамывал: значит, его рана совершенно зажила.

Кэролайн с любопытством следила за Брюммелем: ей было интересно, с кем же он раскланялся.

И увидела. Бредфорд! Он стоял, прислонившись спиной к стене, в другом конце зала в компании трех мужчин. Черити закрывала ей обзор, поэтому Кэролайн пришлось привстать на цыпочки, чтобы лучше его рассмотреть. Собеседники Бредфорда, похоже, изо всех сил старались привлечь его внимание, но он почти

не глядел на них. Он смотрел на нее!

Отец что-то говорил, обращаясь к ней, звучал чистый голосок Черити, дядя Мило коснулся ее руки, но Кэролайн ни на кого не обращала внимания. Она не могла отвести взгляда от этого человека, неотрывно смотревшего на нее.

Он был куда более привлекательным, чем запомнился ей по первой встрече, и на целую голову выше окружавших его людей. Аккуратно причесанные волосы все же казались разметанными вольным ветром, и это придавало его облику оттенок мальчишеской открытости и уязвимости, хотя его плотно сжатый рот был твердым и суровым. Ей пришло в голову, что он, должно быть, очень редко улыбается.

Она не помнила, насколько он выше других мужчин, шире в плечах. В ее сознании внезапно всплыл образ спартанского воина, может быть, сурового Леонида[4 - Леонид (508/507–480 гг. до н. э.) – царь Спарты с 488 г. В греко-персидских войнах в 480 году возглавил греческое войско против царя Ксеркса. Погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступление греческого войска.], и она подумала о том, что в другое время и в другой жизни Бредфорд вполне мог бы быть могучим воином.

Граф Бредфорд не спускал глаз с Кэролайн Ричмонд с той самой секунды, когда она с царственным видом появилась на пороге бального зала рядом с графом Брэкстоном. Она была потрясающа! И его изрядно раздражало то, что и другие думали так же. Ну почему все это собрание молодых идиотов в зале пялится именно на нее?

Черт побери! Он же имеет особые права. Она должна принадлежать ему! Сам того не замечая, Бредфорд застонал от яростного желания обладать ею, подчинить себе. Его досада, его скука мгновенно исчезли, как только она вошла в дверь бального зала. Он ощутил внезапный интерес к жизни, хотя обычно умирал от тоски в светских залах.

Бредфорд принял приглашение на сегодняшний бал только в надежде на то, что ему представится случай встретиться с Кэролайн. Весь свет собирался на ежегодном балу у герцога Эшфорда, и кто знает...

Его настойчивый взгляд настолько взволновал Кэролайн, что она не могла этого скрыть. Она почувствовала, как щеки ее краснеют, и чуть не сгорела со стыда. Взгляд Бредфорда смутил ее и лишил покоя. Она почувствовала, что в любую минуту может от волнения нервно рассмеяться. И что тогда подумают люди вокруг?

Мысли вихрем проносились в ее сознании, как порывы ветра в чистом поле. Она, похоже, не могла сосредоточиться ни на чем. Не могла взять себя в руки. Она будто впитывала кожей его страстный взор, одновременно лихорадочно пытаюсь выстроить хоть какую-нибудь преграду между собой и ним.

Понимает ли он сам, какое магнетическое действие оказывает? Она искренне надеялась, что не понимает. Руки ее дрожали, грудь высоко вздымалась, дыхание стало частым и прерывистым.

Кэролайн уже начала беспокоиться о том, чтобы не совершить какой-нибудь промах. Если случится что-нибудь ужасное, то виноват будет Бредфорд, решила она. Но ей от этого не легче, ведь он только посмеется над ее неловкостью. А если бы все вокруг сочли Кэролайн провинциальной простушкой, Бредфорд бы наверняка злорадствовал.

Кэролайн собрала все силы и заставила себя принять такое выражение лица, какое, по ее мнению, могло означать вежливую скуку. Она попыталась скопировать выражение лиц большинства дам в бальном зале. Но оказалось, что она не может сколько-нибудь долго изображать равнодушие. Она улыбнулась, смирившись с отсутствием у себя актерских талантов. Что делать, если Кэролайн просто не знала, что такое скука?

Бредфорд заметил ее улыбку и улыбнулся в ответ, удивляясь сам себе. Он редко позволял окружающим догадываться о своих ощущениях, а сейчас вел себя, как молодой бычок, в первый раз выпущенный в стадо.

Кэролайн попыталась сохранить остатки достоинства и кивнула в ответ на его улыбку. Поняв, что ей не скрыться от его взгляда, она попыталась отвернуться, но лукавое выражение, появившееся в глазах Бредфорда, остановило ее, и она как замороженная смотрела, как он намеренно медленно, поддразнивая, опустил веки.

Кэролайн только укоризненно покачала головой и попыталась принять суровый вид, но тут же все испортила, расхохотавшись. Признав свое поражение, быстро повернулась к нему спиной, зная, что он наблюдает за ней. Чувствуя себя глупой, невоспитанной девчонкой, за которой еще нужен глаз да глаз, она глубоко вздохнула, пытаясь понять, о чем говорили окружающие.

Маркиз и граф увлеченно спорили друг с другом, кому приличнее представить Кэролайн и Черити и кто именно должен сделать это. Улучив момент, Кэролайн отвела двоюродную сестру в сторону и жарко зашептала ей:

– Они здесь, Черити. Стоят у противоположной стены. Нет, не смотри туда, – потребовала она.

– Кто здесь? – спросила Черити и сощурилась, пытаясь рассмотреть стоявших у дальней стены.

– Не смотри туда! Ты все равно ничего не увидишь. Они слишком далеко от нас.

– Линни, возьми себя в руки. Кто там стоит? – От нетерпения Черити сжала руки.

– Человек, которому мы помогли в первый день нашего приезда, – объяснила Кэролайн, отчетливо понимая, что ведет себя совершенно неподобающе. Что это с ней такое? Она чувствовала себя взбудораженной, как неоседланная кобыла на пастбище, и никак не могла понять почему. – И еще там стоит Бредфорд, – закончила она. – Они там оба.

– Отлично! – довольно заулыбалась Черити. – Мы должны поздороваться с ними.

– Вовсе нет, – бросила в ответ Кэролайн. – В этом совершенно нет необходимости.

Черити нахмурилась.

– Кэролайн, следи за собой. Что с тобой происходит? Ты как будто чего-то боишься.

Черити нервничала, как никогда в жизни. За все годы, проведенные рядом с Кэролайн, она никогда не видела сестру во власти страха и... еще чего-то.

Но времени для разговоров не было, потому что очередной кавалер увел Черити на танец. А перед Кэролайн склонился в поклоне виконт Клаймер, приглашая ее на танец и с неподдельным волнением ожидая ее согласия.

Кэролайн двинулась рядом с ним к центру зала, почувствовав, что он мягко поддерживает ее под руку. Она решила, что виконт чересчур волнуется, и решила успокоить его. Для начала она ласково и ободряюще улыбнулась ему и тут же пожалела об этом. Бедный молодой человек споткнулся на ровном месте, и Кэролайн пришлось поддержать его под локоть, чтобы виконт не растянулся на зеркально блестящем полу.

Тогда она решила строго выдерживать приличия и не смотреть ему прямо в глаза, дабы не смущать бедного юношу. Заиграл оркестр, и Кэролайн унесли волны ритмичной музыки. Как она была благодарна Каймену за то, что он научил ее танцевать! Она знала, что Бредфорд не сводил с нее глаз, но поклялась не смотреть в его сторону. Скользя под музыку, она решила совершенно не обращать на него внимания, в сотый раз повторяя себе, что он выглядит слишком надменным. Он похож, снова подумала она, на древнего спартамца – тугой клубок самоограничений и железных мускулов. А ведь судьба Древней Спарты и ее сограждан как-то не особенно раньше волновала Кэролайн.

Танец наконец закончился, и Кэролайн показалось, словно она простояла на коленях на каменном полу не один час. Во время танца виконт непрерывно толкал ее и наступал на ноги.

Отец Кэролайн приблизился к ней, лишив тем самым виконта возможности причинить ей дальнейшие муки, и неуклюжий молодой человек, отвесив последний глубокий поклон, начал было отступать назад, но внезапно изменил свое намерение, снова повернулся лицом и схватил обеими руками руку Кэролайн. Не успела она отдернуть руку, как виконт наклонился и звучно поцеловал ее.

Кэролайн едва сдержала смех, и виконт, пообещав непременно вернуться, наконец оставил их одних.

– Не воспринимай это как оскорбление, отец, но мне кажется, что англичане – в высшей степени неуклюжие существа, – произнесла Кэролайн, глядя в спину удаляющемуся виконту.

– Поскольку и ты англичанка, к тебе это тоже должно относиться, – с улыбкой ответил ей отец.

И тут перед ней внезапно возник он в сопровождении Брюммеля. Кэролайн не могла сделать вид, что не заметила двух друзей, потому что они заслонили ей и зал, и гостей, и весь свет. Она несколько секунд смотрела на широкую грудь Бредфорда, а потом заставила себя поднять взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеются в виду колонии Британии в Северной Америке (вошедшие позднее в состав США). – Здесь и далее примеч. пер.

2

В Великобритании в это время на троне находился Георг III. «Мистер Джордж» – сугубо американское обращение, абсолютно недопустимое для английского

дворянина.

3

Бью Брюммель – Джордж Бранен Брюммель (или Браммель), 1778–1840 гг., известный лондонский фронт, законодатель мужской моды.

4

Леонид (508/507–480 гг. до н. э.) – царь Спарты с 488 г. В греко-персидских войнах в 480 году возглавил греческое войско против царя Ксеркса. Погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступление греческого войска.

Купить: https://telnovel.me/garvud_dzhuliya/myatezhnaya-strast

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)